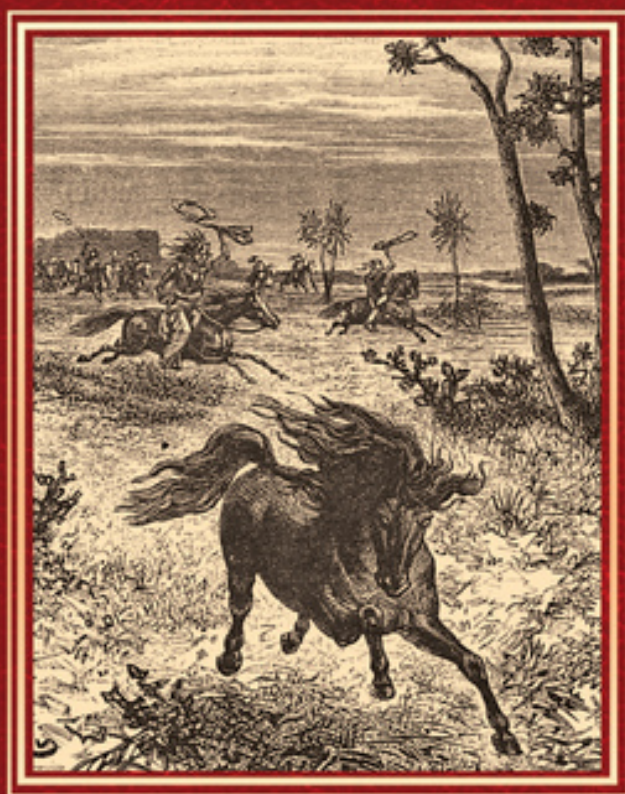

Томас Майн Рид

Гаспар-гаучо

МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера приключений

Томас Майн Рид

**Гаспар-гаучо.
Затерявшаяся гора**

«ВЕЧЕ»

1879, 1882

Майн Рид Т.

Гаспар-гаучо. Затерявшаяся гора / Т. Майн Рид —
«ВЕЧЕ», 1879,1882 — (Мастера приключений)

ISBN 978-5-4444-9091-4

Гран-Чако – таинственный регион Америки, оказавшийся «не по зубам» даже огню и мечу конквистадоров. Обитатели этого края – существа дикие, независимые. Десятки экспедиций, научных и военных, рискнувших углубиться в заросли Чако, вскоре отступали, возвращались назад. Но в компании с капитаном Майн Ридом можно смело отправляться в путь. Это надежный проводник. В мир кентавров и огненных стрел ведет своего верного читателя перо удивительного романиста. В данный том входят две истории о приключениях в Южной и Северной Америке – «Гаспар-гаучо» и «Затерявшаяся гора».

ISBN 978-5-4444-9091-4

© Майн Рид Т., 1879,1882

© ВЕЧЕ, 1879,1882

Содержание

Библиография Томаса Майн Рида	6
Гаспар-гаучо	8
Глава I	10
Глава II	13
Глава III	16
Глава IV	19
Глава V	22
Глава VI	27
Глава VII	30
Глава VIII	32
Глава IX	34
Глава X	37
Глава XI	41
Глава XII	44
Глава XIII	46
Глава XIV	48
Глава XV	51
Глава XVI	53
Глава XVII	56
Глава XVIII	58
Глава XIX	61
Глава XX	63
Глава XXI	67
Глава XXII	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Томас Майн Рид

Гаспар-гаучо. Затерявшаяся гора

Знак информационной продукции 12+

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Томас Майн Рид

Библиография Томаса Майн Рида

Книжные публикации

- «Военная жизнь» (War Life, 1849)
«Вольные стрелки» (The Rifle Rangers, 1850)
«Охотники за скальпами» (The Scalp Hunters, 1851)
«Жилище в пустыне» (The Desert Home, 1852)
«В поисках белого бизона» (The Boy Hunters, 1853)
«Гудзонов залив» (The Young Voyageurs, 1854)
«Изгнанники в лесу» (The Forest Exiles, 1854)
«У охотничьего костра» (The Hunter's Feast, 1855)
«Белый вождь» (The White Chief, 1855)
«В дебрях Южной Африки» (The Bush Boys, 1855)
«Юные охотники» (The Young Yagers, 1856)
«Квартеронка» (The Quadroon, 1856)
«Тропа войны» (The War Trail, 1857)
«Охотники за растениями» (The Plant Hunters, 1857)
«На невольничьем судне» (Ran Away to Sea, 1858)
«Оцеола, вождь семинолов» (Oceola, 1859)
«Морской волчонок» (The Boy Tar, 1859)
«Лесные бродяги» (The Wood Rangers, 1860) – переработка романа Г. Ферри
«Охотник на тигров» (A Hero in Spite of Himself, 1861) – переработка романа Г. Ферри
«Отважная охотница» (The Wild Huntress, 1861)
«Охотники на медведей» (Bruin, 1861)
«Мароны» (The Maroon, 1862)
«Дары океана» (The Ocean Waifs, 1863)
«Эндрю Деверел» (Andrew Deverel, 1863) – автор Ч. Бич, под ред. Т. Майн Рида
«Ползуны по скалам» (The Cliff Climbers, 1864)
«Белая перчатка» (The White Gauntlet, 1864)
«Пропавшая сестра» (Lost Lenore, 1864) – автор Ч. Бич, под ред. Т. Майн Рида
«Возвращение к цивилизации» (Left to the World, 1865) – автор Ч. Бич, под ред. Т. Майн Рида
«Молодые невольники» (The Boy Slaves, 1865)
«Всадник без головы» (The Headless Horseman, 1865)
«Бандолеро» (The Bandolero, 1866)
«Водой по лесу» (Afloat in the Forest, 1867)
«Охотники за жирафами» (The Giraffe Hunters, 1867)
«Вождь гверильясов и другие истории» (The Guerilla Chief and Other Tales, 1867)
«Жена-дитя» (The Child Wife, 1868)
«Беспомощная рука» (The Helpless Hand, 1868)
«Остров дьявола» (The Planter Pirate, 1868)
«Белая скво» (The White Squaw, 1868)
«Желтый вождь» (The Yellow Chief, 1869)
«В дебрях Борнео» (The Castaways, 1870)
«Одинокое ранчо» (The Lone Rancho, 1871)

«Перст судьбы» (The Finger of Fate, 1872)

«Смертельный выстрел» (The Death Shot, 1873)

«Кубинский патриот» (The Cuban Patriot, 1873)

«Сигнал бедствия» (The Flag of Distress, 1876)

«Гвен Уинн» (Gwen Wynn, 1877)

«Черный мустангер» (The Wild-Horse Hunters, 1877) – автор Ф. Уиттекер, под ред. Т. Майн Рида

«Золотой браслет» (The Cadet Button, 1878) – автор Ф. Уиттекер, под ред. Т. Майн Рида

«Гаспар-гаучо» (Gaspar the Gaucho, 1879)

«Королева озер» (The Captain of the Rifles, 1879)

«Американские партизаны» (The Free Lances, 1881)

«Охота на левиафана» (The Chase of Leviathan, 1881)

«Огненная земля» (The Land of Fire, 1884)

«Затерявшаяся гора» (The Lost Mountain, 1885)

«Переселенцы Трансвааля» (The Vee-Boers, 1885)

«Пронзенное сердце и др. истории» (The Pierced Heart and Other Stories, 1885)

«Без пощады!» (No Quarter! 1888)

Гаспар-гаучо

ŒUVRES DE MAYNE-REID

COLLECTION HETZEL

Глава I Гран-Чако

Развернем карту Южной Америки.

Обратите внимание на слияние больших рек Саладо и Параны; Саладо берет начало в Андах и течет на юго-запад; а Парана устремляет свои воды с северо-запада на юго-восток.

Поднимемся по Саладо до города Сальты в древней провинции Тукуман. Перейдем на Парану и по ее притоку Парагваю доплывем до бразильского пограничного форта Коимбры. Соединим оба города кривой, обращенной выпуклостью к Андам, – и получится граница самой интересной и наименее исследованной страны не только американского материка, но и всего мира.

Область эта полна романтики в прошлом и таинственности в настоящем. Она и в XIX веке оставалась такой же *терра инкогнита*¹, как в те времена, когда десант с кораблей Мендозы², высадившийся на берегах Атлантического океана, и золотоискатели Пизарро – на берегах Тихого, тщетно пытались проникнуть в сердце материка.

Как же называется эта загадочная страна?

Гран-Чако³.

Читателю, вероятно, знакомо это название, но знает он о Гран-Чако немного. Многого о нем не могли сказать даже пограничные жители. Соседство Гран-Чако приносило им одни лишь неприятности.

Принято думать, что испанцы во времена Колумба захватили всю территорию Америки и поработили краснокожих туземцев. На самом деле это ошибка историков.

Конкистадоры⁴, ослепленные золотом и религиозным фанатизмом, действительно прошли с огнем и мечом большую часть Северной и Южной Америки. Но громадные области оказались совершенно недоступными. Сюда относятся: Навахоа⁵, страна гуайкуру⁶ в центре, Патагония⁷ и Араукания на юге и обширные земли между Андами и реками Параной и Парагваем, называемые «Гран-Чако». Вся эта территория вплоть до нашего времени не только не колонизована, но даже не исследована. Десяток экспедиций, пытавшихся проникнуть в таинственную область, быстро свертывались и возвращались, опасаясь углубиться в Чако⁸.

¹ *Терра инкогнита (terra incognita)* – непознанная земля (*лат.*).

² Диего де Мендоза (1503–1575) – один из испанских конкистадоров, завоевателей Южной Америки. В 1535 году он проник в глубь материка и основал поселение на месте теперешнего Буэнос-Айреса. Однако утвердиться ему там не удалось, и в 1542 году он отступил к берегам Параны.

³ Гран-Чако, или Чако (*chaku* – «охотничья земля» на языке кечуа) – пустынная территория между предгорьем Анд и руслами рек Парагвай и Парана, разделенная между Аргентиной, Боливией и Парагвайской республикой. Северное Чако, принадлежащее Парагваю, представляет болотистую равнину, поросшую хвойным кустарником и островками пальмовых рощ и лесов. В южном Чако степи (пампасы) чередуются с солончаками. В деле исследования и колонизации Чако европейцы встретили сопротивление со стороны сильных индейских народов. Борьба продолжалась до конца XIX века. В результате многовековой войны исчезли целые индейские нации (например абиноны). Немалые жертвы понесли и победители. Покорившиеся индейцы тысячами гибли на плантациях и в рудниках. Первыми сдались гуарани, которые являются родоначальниками метисов Парагвая. Среди выдержавших натиск белых кочевой народ тоба.

⁴ Конкистадоры («завоеватели») – так называются первые испанские войска, высаженные в Америке.

⁵ Навахоа (*Navajoa*) – земли индейского племени навахо (*navajo*) в Северной Америке.

⁶ Гуайкуру – индейское племя, живущее в Бразилии, на границе Парагвая.

⁷ Патагония – территория на юге Южной Америки, входящая в состав Перу и Аргентины, заселенная патагонцами и арауканами.

⁸ Для исследования Чако был предпринят целый ряд экспедиций, начиная с 1721 года, когда иезуит Габриэль Патино поднялся по реке Пилькомайо, но был прогнан индейцами тоба. В 1882 году в Чако погиб путешественник Крево, а в 1890-м – Джон Иодж и Олаф Шторм. Множество экспедиций вернулись с половины дороги, не будучи в силах преодолеть

Также неудачны были попытки иезуитов⁹ и францисканцев. Население Гран-Чако одинаково упорно сопротивлялось мечу и кресту.

Гран-Чако орошается тремя большими реками: Саладо, Вермейо и Пилькомайо; первые две – пограничные реки, а Пилькомайо пересекает Гран-Чако. Все эти реки берут начало в Андах, текут свыше тысячи миль параллельно друг другу на юго-запад и впадают в Парану и Парагвай.

Верхоние Саладо с городами Сант-Яго и Тукуман сравнительно рано изучено, но и оно было долго не безопасно для путешественников. К устью ее спускались лишь сильные военные экспедиции.

Верхние течения Вермейо и Пилькомайо мало любопытны. Это давно заселенные и колонизованные области Аргентины и Боливии¹⁰. Но в части своей, протекающей по Чако, они, подобно Саладо, являются загадкой для географов.

Также не исследован Пилькомайо, хотя он впадает в реку Парагвай против города Асунсиона – столицы республики Парагвай. Устье Пилькомайо образует обширную дельту; берега многочисленных рукавов болотисты и покрыты пышной растительностью.

Пилькомайо, по рассказам индейцев, течет по густотравной саванне, оживленной рощами пальм и группами других тропических деревьев. Одинокие горные пики, подобно готическим башням, маячат на горизонте. Река, сжатая высокими берегами, то несется стремглав, то разливается в болота с солоноватой водой.

Устье Пилькомайо находится на расстоянии ружейного выстрела от Асунсиона, первого города, основанного старыми испанскими поселенцами в Южной Америке. Но ни один парагваец не осмеливался побродить в его окрестностях. Население города знает о Чако не больше, чем в те дни, когда старый естествоиспытатель Азара¹¹ протащил свою «пирогую» на целых сорок миль вверх по бурному течению Пилькомайо и вернулся ни с чем.

Поселения существуют только у верховьев. В Чако нет ни одного города, основанного белыми.

Ни одному миссионеру не удалось построить там церковь.

Чем же объяснить такое предубеждение против этой местности? Ведь Гран-Чако – не бесплодная пустыня, подобно большей части страны Навахо, равнинам Патагонии или скалам Араукании. Она не похожа на болотистые, непроходимые леса долины Амазонки и дельты Ориноко, периодически заливаемые водой.

Гран-Чако как бы создан для колонистов: обширные саванны с роскошной травой, тропические, преимущественно пальмовые, леса, прекрасный климат, плодородная, тучная почва. Чако походит на огромный пустынный парк...

Почему же земледельцы не заселили страну?

Ответ простой: она принадлежит охотникам.

пороги реки.

⁹ Среди миссионеров, явившихся в Южную Америку, наибольших успехов добились иезуиты. Иезуиты убеждали «укрошенных», как они называли христиан-индейцев, бросить кочевой образ жизни, устраивали земледельческие колонии и насаждали скотоводство. С 1610 по 1768 год было обращено около 700 000 индейцев, большинство из племени гуарани. За каждого обращенного иезуиты платили королю по одному пиастру, за что им предоставлялась полная свобода в управлении общинами. Иногда миссионеры уступали своих индейцев для крепостных работ. Дисциплина в иезуитских колониях царилла самая суровая; было введено телесное наказание; беглецов силой возвращали обратно. Фактически индейцы из миссий были обращены в рабство. Каждое семейство получало надел земли и скот, но лишь во временное пользование, причем все излишки поступали иезуитам. Иезуиты стремились основать в Южной Америке среди индейцев нечто вроде теократии. Особенно прочно было их владычество в южной части Парагвая.

¹⁰ Аргентинское Чако больше исследовано и гуще заселено, чем парагвайское. В нем обосновались европейцы-колонисты, преимущественно итальянцы и шведы, и между прочим, немцы с Волги, среди которых много толстовцев. Они культивируют сахарный тростник высокого качества. В Чако работают сахарные заводы.

¹¹ Азара – известный естествоиспытатель, проводивший несколько месяцев в 1788 году на берегах Параны, изучая местную флору и фауну.

Краснокожие, коренные властители этой области, сторожат подступы к ней. Военственная индейская раса сохранила свою свободу и отразила все попытки поработителей.

По равнинам Чако с быстротой птицы носятся на горячих конях свободные туземцы. Подобно кентаврам¹², они ненавидят оседлую жизнь, кочуют по зеленым степям и благоухающим лесам, разбивая свои тольдо¹³ там, где понравится. Кто им не позавидует?

Приобщимся к их жизни: заглянем в Гран-Чако...

¹² Кентавры – в греческой мифологии быстроногие существа, наполовину люди, наполовину кони.

¹³ Тольдо – шатер; индейские шалаши в Южной Америке называются «тольдо», а поселения – «тольдериями».

Глава II

Парагвайский деспот

Итак, Чако остается неколонизованным и неисследованным. Но все же можно найти исключение. Если бы путешественник в 1836 году поднялся вверх по реке Пилькомайо, то, проплыв около тысячи миль от ее устья, он увидел бы невдалеке от берега дом, который мог быть построен только белым или, во всяком случае, цивилизованным человеком. Нельзя сказать, чтобы в архитектуре этого дома было что-нибудь особо внушительное или величественное: то было простое деревянное строение с бамбуковыми стенами и крышей из прутьев особой разновидности пальм, которую в тех местах называют «Шуберта», так как ее порослями постоянно кроются дома и шалаши. Но при всей своей простоте здание это было все же гораздо крупнее простых только индейских обитателей Чако; кроме того, к нему примыкала большая веранда с колоннами, покрытая побегами и листьями той же пальмы; упомянем еще крепкие загородки для домашнего скота и обнесенные изгородями поля маиса, маниоки и других тропических растений. Все это свидетельствовало о терпении и культуре, на какие вряд ли пока способны туземцы.

В самом доме мы бы сразу наткнулись на новые доказательства присутствия белого человека. Мебель здесь была самодельная, но прочная, изящная и удобная: стулья и кресла из южноамериканского бамбука, называемого «сака» (*canabava*); кровати из того же дерева с матрацами из мягкого испанского мха, покрытыми пончо¹⁴; циновки из волокон другого вида пальмы. Там и сям гамаки. Много книг, картины, писанные с натуры, нотные тетради, скрипка и гитара – все это говорило о домашнем быте, какого не знают американские индейцы.

В некоторых комнатах, а также на веранде посетитель мог бы заметить другие предметы, не слыханные у туземцев: здесь были чучела диких зверей и пресмыкающихся, птиц, препарированные бабочки и блестящие жуки, наклеенные на полоски пальмовой коры, образцы растений и минералов, оригинальные женские наряды местного производства. Такая коллекция могла принадлежать только натуралисту и этнографу. Хозяина звали Людвигом Гальбергером.

По имени видно, что он был немец. И в самом деле, Гальбергер родился в Пруссии, неподалеку от Берлина.

В том, что пруссак был натуралистом, ничего удивительного, конечно, нет; гораздо страннее то, что он поселился в таких отдаленных местах. Вокруг его дома не было ни одного цивилизованного поселения. Вплоть до самого города Асунсиона, то есть примерно на целых сто миль к востоку, здесь не жило ни одного белого. А на север, на юг и на запад до цивилизованных селений было впятеро дальше. Со всех сторон усадьбу окружала неисследованная пустыня, по которой странствовали только исконные ее хозяева – индейцы.

Чтобы объяснить, каким образом Людвиг Гальбергер поселился в такой глуши, необходимо рассказать кое-что о прежней его жизни, о том, что с ним случилось до того, как юн выстроил себе эту одинокую эстансию¹⁵. Тут придется вспомнить мрачного парагвайского диктатора – Франсиа¹⁶, который четверть века с лишком держал свою прекрасную

¹⁴ Пончо – плотная ткань из шерсти оленя-гуанако, изготавливающаяся в Аргентине.

¹⁵ Эстансия – усадьба, ферма скотовладельца.

¹⁶ Хосе Франсиа (1766–1840) – парагвайский диктатор, с 1814 по 1840 год управлявший Парагваем. Во время испанского владычества Парагвай был подчинен правительству, находившемуся в Буэнос-Айресе. Когда началась война за освобождение, город Асунсион, восставший отдельно, отказался соединиться с остальными провинциями под началом Буэнос-Айреса. Пользуясь смутой, царившей в Аргентине, власть над Парагваем захватил Хосе Франсиа – иностранец, француз по отцу, метис-креол – по матери, теолог и юрист. Франсиа создал из Парагвая совершенно обособленный мир; он не

родину поистине в железной узде. С именем этого злобного тирана связано другое имя, пользующееся совсем иной репутацией. Я говорю об Амадее, или Эме Бонплане¹⁷, известном всему миру друге знаменитого Гумбольдта, его товарище по странствованиям, помощнике и сотруднике в научных изысканиях, еще и поныне не превзойденных по размаху и глубине. Эме Бонплану принадлежит немало открытий, связанных с именем его великого друга, но по своей беспримерной скромности он всегда оставался в тени, доставляя всю славу энергичному и честолюбивому Гумбольдту.

Как ни уважаю я Эме Бонплана, но не могу здесь привести его полной биографии. Ограничусь тем, что напомним некоторые обстоятельства его жизни – обстоятельства, имеющие прямое отношение к герою нашей повести. Ведь не будь Эме Бонплана, Людвиг Гальбергер никогда не поселился бы в Южной Америке. Если прусский натуралист отправился по Ла-Плате и Парагваю, то сделал это, лишь следуя примеру французского ученого.

Расскажем же о приключениях Бонплана в этих прекрасных местах, а затем перейдем к событиям нашей повести.

Развязавшись со своими коммерческими делами, – они, видимо, достаточно тяготили его, – Бонплан поселился на берегу Рио-Параны, но не на парагвайской территории, а на противоположном берегу реки, в Аргентине. Устроившись здесь, он повел далеко не праздную жизнь, но временно забросил свое любимое занятие, увлекательное, но не слишком доходное, – изучение природы. Вместо него он отдался земледелию. Выращивал он, главным образом, «парагвайскую траву», «yerba de Paraguay»¹⁸, из которой готовится «матэ», или парагвайский чай. Дело пошло отлично. По соседству жило мирное индийское племя гуарани. Бонплан ладил с соседями, применяя их труд на своих плантациях.

Бонплан быстро преуспел, но на его горизонте неожиданно показалась грозная туча. Молва о хозяйственных опытах Бонплана дошла до парагвайского диктатора Хосе Франсиа, утверждавшего, что право выращивать «хербу» составляет монополию Парагвайской республики, вернее – его личную. Правда, дерзкий конкурент работал вне пределов Парагвая: плантация Бонплана лежала на территории Корриентеса, входившего в Аргентинскую конфедерацию. Но Хосе Франсиа считался с международным правом только тогда, когда оно опиралось на штыки; Аргентина же в то время не могла ему сопротивляться. И вот однажды в глухую ночь его личная гвардия, отряд знаменитых квартелеро, переправился через Парану,

допускал парагвайцев к участию в войне за освобождение, не посылал уполномоченных на конгрессы, не заводил ни торговых, ни дипломатических сношений с другими государствами. Противник иезуитов, но продолжатель их политики, он был одновременно и светским, и духовным диктатором Парагвая; он объявил себя главой парагвайской церкви и порвал всякую связь с Римом. Франсиа установил строгую монополию на торговлю лесом, парагвайским чаем и другими местными продуктами. Он запретил вывоз золотой и серебряной монеты, вынудив парагвайцев вести с иностранцами исключительно меновую торговлю. До Франсиа народное образование было в руках духовенства. Изгнав большинство католических священников, Франсиа ввел обязательное обучение, с чисто военной дисциплиной: дети созывались барабаном, и ответственность за уклонявшихся лежала на местных властях. Однако читать грамотным парагвайцам было нечего, так как после иезуитов первая типография была открыта лишь в 1844 году. Хосе Франсиа раскинул по всей стране сеть шпионажа и сыска. Он внушал такой страх, что парагвайцы не осмеливались произносить его имя. Они называли его «*El Supremo*» (самый высший, главный), «*El Perpetuo*» (бессмертный) и, когда он умер, – «*El Defunto*» (усопший).

¹⁷ Эме Бонплан (1773–1858) – врач и натуралист, прибывший с экспедицией Гумбольдта в Америку и обосновавшийся в Парагвае.

¹⁸ Йерба (*Yerba de Paraguay*) – вечнозеленый кустарник с небольшими белыми цветами (*Ilex paraguariensis* из семейства падубовых, заключающих около 180 видов, преимущественно африканских). Плод – костянка. Гуарани называли «падуб саа», что значит – «растение»; испанцы неправильно перевели «саа» как *yerba* (травы), хотя падуб – не трава, а куст или деревце, высотой с апельсинное, но с более тонкими ветвями. Бонплан обнаружил в Парагвае три вида йерба. В листьях йерба содержится кофеин, и они употребляются для изготовления особого сорта чая – мате (*mate* – «тыква» на языке кечуа). Область распространения йерба – от морского побережья до реки Парагвая и Аргентины; но эксплуатируется падуб только на юге Бразилии и в Парагвае. Лучшей йерба считается парагвайская. В старинных иезуитских миссиях и на образцовых плантациях йерба культивируется, но вся масса чая получается из дикого падуба, растущего в лесах. Чтобы легче было собирать листья, парагвайцы беспощадно рубят целые деревья. За сбором листьев «йербаторы» отправляются в длинные путешествия по лесам. Добытые листья высушиваются на медленном огне и толкутся в порошок.

напал на чайную плантацию Бонплана и, перебив с полдюжины пеонов, захватил в плен самого хозяина и доставил в столицу Парагвая.

Правительство Аргентины, поглощенное внутренними распрями, не протестовало против такого разбоя: ведь Бонплан был француз, иностранец. Девять долгих лет томился он в парагвайском плену. Освободить его не удалось ни английскому представителю, ни специальной комиссии, посланной в Парагвай Французской академией. Конечно, будь пленник сыном какого-нибудь лорда или виконта, его вынужденное пребывание в Парагвае было бы очень кратким. На выручку ему послали бы целый корпус. Но Эме Бонплан был только скромным натуралистом, одним из тех незаметных и непритязательных людей, которые создают и накапливают для человечества драгоценнейшие знания, – и никто не избавил его от плена. Плен этот был не слишком суров: никто не стеснял Бонплана, так как диктатор верил его честному слову и, ценя выдающуюся ученость своего пленника, охотно пользовался его знаниями¹⁹. Но в конце концов ученого постигло новое несчастье, и этим несчастьем он был всецело обязан своему личному обаянию. Завоевав сочувствие и уважение парагвайцев, он возбудил в диктаторе зависть. И вот, как прежде, ночью его снова схватили, опять переправили через реку и высадили на аргентинской территории. Диктатор не оставил ему ничего, кроме носильного платья.

Бонплан поселился неподалеку от аргентинского города Корриентес, где вновь занялся земледелием. Там он жил со своей женой, уроженкой Южной Америки, и детьми, там и умер в глубокой старости.

¹⁹ Эме Бонплан, по приказанию диктатора Франсиа, прожил девять лет на чайной плантации Церни по реке Паране, между селениями Санта-Мария и Санта-Роза, основанными иезуитами.

Глава III

Охотник-натуралист

С жизнью Эме Бонплана имела много общего и судьба Людвиг Гальбергера. Подобно Бонплану, он страстно любил природу и был прекрасным натуралистом; подобно ему избрал полем своих исследований Южную Америку. На берегах многоводной Параны, больше известной европейцам под неправильным названием Лаплаты, он нашел обширную область, совершенно не затронутую естествоиспытателями. До него здесь работал только испанский натуралист Азара, но это было в те годы, когда ни ботаника, ни зоология еще не стояли на научной высоте, – и труды Азары уже успели устареть.

Гальбергер, кроме того, был страстным охотником, и необъятные пампасы со своими пумами, ягуарами, страусами, мустангами и крупными оленями – «квазуты» – манили его и в этом смысле.

Подобно Бонплану, Гальбергер прожил в Парагвае девять долгих лет, но обосновался здесь добровольно и не в одиночестве. Как ни любил он природу и охоту, но сердце его не устояло перед иной любовью. Его пленили черные глаза парагвайской девушки, – глаза, казавшиеся ему ярче оперения самых нарядных птиц, прекраснее крылышек самых цветистых бабочек.

«El Guero» – белокурый, как называли Гальбергера смуглые туземцы, добился взаимности юной парагвайки и женился на ней. В то время ему было двадцать лет с небольшим, а ей всего четырнадцать.

«Какая молодая жена!» – воскликнет читатель. Но возраст в браке – дело расы и климата. В испанской Америке девушки созревают очень рано и нередко становятся женами и матерями до двадцати лет.

Больше десяти лет Гальбергер прожил в мире и ладу со своей молодой подругой. Дом его огласился детским лепетом; сначала родился сын, потом дочь. Мальчик был весь в отца, а девочка походила на мать. Позже в семье появился третий ребенок – племянник жены Гальбергера, сын умершей сестры сеньоры. Звали мальчика Чиприано.

Дом охотника-натуралиста стоял не в самом Асунсионе, а милях в двадцати от него, в кампо²⁰. В город Гальбергер наезжал редко и только по делам. Дела эти были не совсем обычного характера. Немало птиц и зверей, бабочек и жуков, убитых и тщательно препарированных Людвигом Гальбергером, украшают теперь публичные музеи Пруссии и других европейских стран. Если бы не хлопоты по отправке экспонатов в Европу, наш охотник никогда б не появлялся на улицах Асунсиона.

Приехав в Южную Америку с очень скромными средствами, немецкий натуралист вскоре разбогател: приобрел большой участок земли, отстроился, нанял работников; все работники были из мирного, давно покоренного индейского племени гуано. Гальбергеру посчастливилось нанять и одного гаучо²¹, по имени Гаспар. То был человек испытанной

²⁰ Кампо – равнина; в Южной Америке словом «сампо» обозначаются также степные или луговые участки.

²¹ Гаучо – аргентинский крестьянин. В период нашего рассказа «гаучо» мало отличались от индейцев. Большей частью они были метисами и унаследовали внешний облик своих индейских родичей. Высокие, крепкие, со смуглой кожей, жесткими черными волосами и с резкими чертами лица, они напоминали арауканцев. Неустрашимые гаучо не сходили с лошадей, занимаясь преимущественно охотой. Полевые работы они предоставляли обычно женщинам. Жили они в жалких и грязных лачугах, но щеголяли в вышитых панталонах (кальционеро), плащах (манта) из шкуры гуанако, в тонких сапогах со шпорами, а шляпы украшали перьями. Гаучо были любителями петушиных боев, скачек и азартных игр. Подобно тому, как гаучо вытеснили индейцев, сами они были вытеснены иностранными рабочими гринго (*gringo* – от исп. *griego*, эмигрант, говорящий по-гречески). Во время междоусобных войн гаучо группировались в Аргентине около Факундо Квируги, генерала, прославившегося избиванием туземцев.

честности и мастер на все руки. У Гальбергера он жил на положении управляющего и доверенного.

Итак, Людвиг Гальбергер преуспевал, подобно Эме Бонплану; но и над ним спустилась грозовая туча, и притом надвинулась она с той же стороны.

Жена Людвига, очаровательная в четырнадцать лет, и в двадцать семь была достаточно красива, чтобы привлечь к себе внимание парагвайского диктатора. Для Хозе Франсиа «пожелать» всегда означало «получить», особенно, если предмет его вожделений находился в подвластной ему стране. Гальбергер это знал. Он заметил, что диктатор посещает его дом подозрительно часто. Диктатор воспылал нешуточной страстью. Спасти семью от развала можно было только немедленным бегством. В верности жены Гальбергер не сомневался. Да мог ли он усомниться в жене, когда она сама открыла ему глаза на надвигающуюся опасность?

Прочь из Парагвая! Куда угодно, – только отсюда! Таково было решение натуралиста, поддержанное и подругой его. Но принять это решение было легче, чем выполнить. Отъезд из Парагвая оказался делом не только трудным, но почти совершенно невозможным. Один из законов этой удивительной страны, – закон, изданный самим диктатором, – воспрещал всякому иностранцу, женатому на уроженке Парагвая, увозить ее за границу без разрешения главы исполнительной власти. Людвиг Гальбергер был иностранцем, жена его – уроженкой Парагвая, а главой исполнительной, как, впрочем, и всякой другой власти, был Хозе-Гаспар Франсиа.

Этот закон в корне менял и ухудшал положение. Добиваться разрешения на выезд с женой было не только безнадежно, но и безумно: это лишь ускорило бы катастрофу.

Итак, бежать... Но куда, в каком направлении? Бегство в парагвайские леса не спасет семью, а если и спасет, то ненадолго. В лесах этих всегда бродили парагвайцы, собиравшие хербу; все эти люди состояли у диктатора на жалованье, так что Гальбергер с женой оказался бы в лесу в таком же опасном положении, как и на улицах Асунсиона. Такая большая группа беглецов, как натуралист с женой, детьми и домочадцами, не могла остаться незамеченной; всех их, разумеется, переловили бы и выдали диктатору – и это тем вернее, что в основе всей внутренней политики Хозе Франсиа лежала искусная слежка и шпионаж. Жители то и дело доносили друг на друга всемогущему Эль-Супремо, как называли деспотического правителя.

Можно уплыть по реке, но этот способ бегства не легче, а, пожалуй, труднее первого. По всему течению, вплоть до аргентинской границы, Франсиа построил форты, так называемые «гвардиа», днем и ночью зорко охранявшие реку²². Ни одно судно, ни один утлый челнок не мог проскользнуть мимо них незамеченным. Подозрительных путешественников сейчас же схватывали и доставляли в Асунсион.

Припомнив все эти трудности, Людвиг Гальбергер сильно смутился. Он совсем было растерялся, как вдруг ему пришла в голову новая мысль, новый план спасения. Этот план не мог как будто не увенчаться успехом: Гальбергер решил бежать в Чако!

Всякому парагвайцу эта мысль показалась бы дикой. Бежать в Чако, спасаясь от Франсиа, – то же, что нырять в реку, укрываясь от дождя. Никто из граждан Асунсиона не мог переправиться через реку, омывавшую стены этого города. Всякий белый, пойманный индейцами на территории Чако, считался погибшим. Его ожидало либо копье индейца из племени тоба или гуайкуру²³, либо плен, который подчас хуже смерти.

²² Во времена Франсиа в речной полиции, которая должна была задерживать иностранцев и не допускать контрабандной торговли, служили индейцы племени паягуа, долго боровшиеся за свою независимость, но в конце концов покорившиеся белым. В период войн за независимость паягуа были перебиты.

²³ В районе Чако кочевали так называемые мбая, или «злые», принадлежащие к нации гуайкуру. Остатки мбая, этого могучего некогда племени, жили около бразильской границы и держались по-прежнему обособленно. Однако они значи-

Но Гальбергер и раньше безбоязненно переправлялся на другой берег реки, углубляясь далеко в Чако. Нередко он там охотился или ботанизировал. Его бесстрашие имело свои причины, о них нам придется рассказать.

Индейцы Чако иногда заключали с парагвайцами перемирия, во время которых индейцы переплывали реку и появлялись в городе, продавая меха, страусовые перья и другие свои товары. В одну из таких торговых экспедиций вождь племени тоба по имени Нарагвана, хлебнув, очевидно, лишний стакан рома, каким-то образом отбился от своей свиты и попался на зубок парагвайским мальчишкам, которые издеваются над пьяными не хуже парижских гаменов. По улице случайно проходил наш натуралист. Видя почтенного индейца, преследуемого мальчишками, он сжалился над несчастной жертвой и освободил ее от мучителей.

Протрезвившись и вспомнив об услуге, оказанной ему иностранцем, вождь тобасов поклялся в вечной дружбе своему великодушному защитнику, – и с тех пор Гальбергер мог свободно путешествовать по Чако.

Между тем оскорбленные тобасы прекратили всякие сношения с парагвайским правительством, нарушили перемирие и с тех пор уже не возобновляли его. Поездки в Чако стали для парагвайцев опаснее, чем когда бы то ни было. Но Людвиг Гальбергер знал, что на него враждебность индейцев не распространяется, и теперь, веря в дружбу Нарагваны, решил бежать в Чако – просить у него защиты.

Дом натуралиста, по счастью, был расположен у самого берега реки. Беглец дождался глубокой ночи и, взяв с собой жену, детей, слуг, необходимый скарб и верного Гаспара, который распоряжался всеми сборами, переправился через Парагвай и поднялся вверх по Пилькомайо. Он слышал, что милях в девяносто вверх по течению этой реки раскинуто становище, или тольдерия, тобасов. Слух оправдался. К вечеру второго дня беглецы достигли лагеря, где нашли самый радушный прием. Нарагвана не только встретил Гальбергера, как дорогого гостя, но и помог ему выстроить новый дом и предоставил целый табун мустангов и много рогатого скота. Отсюда вместе с цриплодом образовались стада, которые паслись в его «корралях» в 1836 году, когда начинается действие нашей повести.

тельно «обыспанились», так как во время былых набегов мбая всегда щадили женщин и детей, угоняли их в плен и принимали в свой народ.

Глава IV

Ближайшие соседи

Новый дом охотника-натуралиста стоял недалеко от реки. Выбирая место для усадьбы, Гальбергер позаботился о живописности, – и, в самом деле, трудно было бы найти более очаровательный пейзаж. Под окнами дома, вернее, перед пристроенной к нему верандой, расстилалась безграничная равнина. То была цветущая зеленая саванна, там и сям прерываемая зарослями акаций и пальм. Местами на лазурном небе, подобно резным камням, вырисовывались прямые, гладкие стволы и изящные кроны одиноких пальм. То была не безнадменно ровная степь, как обычно, – но совершенно неправильно, – представляем себе мы пампасы и прерии. Нет, местность была холмистая, причем холмы и долины чередовались плавно, подобно морю в мертвую зыбь, когда на гребнях уже не видно пены.

Из окон дома всегда можно было наблюдать каких-нибудь диких животных. Проходили стада крупных оленей, паслись мелкие косули пампасов, двигались стаи южно-американских страусов. Страусы то выступали медлительно и спокойно, то стремительно бежали вперед, далеко вытягивая длинные шеи и распуская пышные хвосты. Быть может, они спасались от темной пумы или полосатого ягуара, притаившегося, как огромная кошка, в высокой траве пампасов. Иногда мимо дома пробежал табун мустангов; их гривы, и хвосты, не знакомые с ножницами, развевались на ветру. Вот они галопом поднимаются на холм... вот исчезают в долине... вот снова показываются на дальнем высоком холме...

Но Людвиг Гальбергер и его домочадцы встречали на равнине не только диких лошадей, но сплошь и рядом также – индейских всадников. Впрочем, наездники не всегда сидели на конях: нередко они стояли на крупах – и это на воем скаку!... Ездить на лошадях стоя умеют и наши цирковые наездники, но у них лошадь галопирует по кругу, так что все искусство циркача сводится к тому, чтобы найти равнодействующую между центробежной и центростремительной силой. Пусть он попробует проскакать стоя по прямой – и тотчас свалится, как спелое яблоко с ветки! Индейцы Чако не нуждаются ни в цирковой арене, ни в вольтижировочном седле: они ездят стоя почти с такой же легкостью, как и в седле. Не мудрено, что их прозвали «красными кентаврами Чако».

Индейцы, с которыми сталкивалась семья Гальбергера, принадлежали к племени тоба. Их становище, или тольдерия, была расположено милях в десяти вверх по реке. Нарагвана уговаривал своего белого друга поселиться поближе к становищу. Но натуралисту это было неудобно. Для успешности исследований ему было необходимо жить, по крайней мере, за шесть миль даже от временной стоянки индейцев, а ведь тольдерия – это постоянное становище. Птицы и звери боятся индейских стрел, и в окрестностях лагеря их не сыщешь.

Как это ни странно, охотник, потерявший связь с цивилизованным миром, продолжал собирать свои коллекции. Спуститься с товаром по Пилькомайо Гальбергер не мог: нижнее, парагвайское, течение реки охранялось зоркими пограничниками диктатора. Но по этому пути Гальбергер не рассчитывал сноситься с цивилизованным миром; он думал связаться с Европой совсем по иному маршруту – и уже сделал необходимые приготовления для перевозки своих товаров сухим путем к Рио-Вермейо, чтобы, спустившись по этой реке до самого устья, проехать снова посуху до Параны и, переправившись через нее, попасть в Корриентес. Этот город находился в тесной торговой связи с Буэнос-Айресом. Таким образом Гальбергер задумал переслать коллекции в Европу, нигде не ступая на территорию, подвластную парагвайскому диктатору.

Нарагвана обещал ему не только конвой из лучших своих воинов, но и целую артель каргадоресов²⁴, которые доставят на себе товар. Носильщики эти были рабами племени тоба, ибо это аристократическое племя, подобно африканским кафрам и арабам, держит невольников.

С тех пор как натуралист обосновался на новом месте, коллекции его сильно разрослись. Если бы удалось их доставить в какой-нибудь европейский порт, за них можно было бы получить несколько тысяч долларов. Понятно, что Гальбергеру хотелось отправить их как можно скорее. Он уже сообщил Нарагване, что собирается отправить товар, и просил его приготовить караван. Вождь обещал немедленно приступить к делу.

Но с тех пор прошла уже целая неделя, а Нарагвана все еще не появлялся в усадьбе и никого не присылал. Индейцы перестали показываться в окрестностях фермы, где из туземцев остались только работники Гальбергера.

Все это было очень странно. Нарагвана почти никогда не пропускал недели, чтоб не навестить Гальбергера или не послать к нему кого-нибудь, а сын его, Агвара, очень привязанный к семье охотника, бывал у немцев каждые два-три дня.

Агвару всегда принимали радушно, хотя одному из членов семьи его посещения были не слишком приятны. Я говорю о Чиприано: юноше казалось, что молодой вождь слишком уж часто и нежно поглядывает на его хорошенькую кузину – Франческу. Но, кроме Чиприано, никто этого не замечал, и один только он радовался, что прошла уже целая неделя, а индейцев все не видно.

То, что индейцы так долго не показываются на ферме, было не совсем обычно, но особой тревоги не вызывало. Им уже случалось пропадать и на более долгое время, когда они отправлялись из становища на охоту или за кормом для скота. Таким образом, отсутствие вестей не смутило бы Гальбергера, если б не обещание Нарагваны помочь ему в перевозке коллекций.

До сих пор Нарагвана не нарушал своего слова. Что же случилось с ним теперь?

Гальбергер давно бы съездил в становище тобасов и узнал, в чем дело, но он боялся совершить бестактность. Хотя плантаторы высокомерно называют индейцев дикарями, но в вопросах чести и слова они щепетильны, настоящие джентльмены; зная это, Гальбергер ждал, что Нарагвана сам явится к нему.

Но прошла вторая неделя, а за ней и третья, – а от Нарагваны ни слуху ни духу. Натуралист серьезно обеспокоился не столько за себя, сколько за своего краснокожего покровителя. Не напало ли на тобасов какое-нибудь враждебное племя? Может быть, врага уже перебили мужчин, увели в плен женщин? Ведь в Чако живет много индейских племен, часто жестоко враждующих между собой. Как ни маловероятно такое предположение, в нем все же нет ничего невозможного.

И Гальбергер решил наконец отправиться в лагерь тобасов. Приказав оседлать коня, он вскочил в седло и тронул было поводья, когда услышал детский голосок:

– Отец, возьми меня с собой.

Это была тринадцатилетняя дочь.

– Отлично, Франческа! Едем! – согласился Гальбергер.

– Так погоди минутку: пусть оседлают моего пони.

Девочка бросилась к корралю, кликнула конюха и велела ему оседлать лошадку.

Через несколько минут оседланный пони уже стоял перед домом, и девочка села в седло.

Тут послышался другой, умоляющий голос – голос жены Гальбергера: она уговаривала мужа не ехать одному с девочкой...

²⁴ Каргадорес (*cargadores*) – носильщики, от слова *cargo* (груз).

– Людвиг, возьми с собой Гаспара! Кто знает, там, быть может, опасно.

– Дядя, лучше я поеду с тобой, – вызвался Чиприано и при этом пристально взглянул на двоюродную сестру, как бы говоря: «Без меня ты не поедешь в лагерь тобасов».

– Значит, можно ехать? – повторил Людвиг; он был старше сестры всего на два года.

– Нет, нельзя, – ответил отец. – Неужели, мой мальчик, ты оставишь мать одну? Кроме того, я задал вам с Чиприано на завтра урок. Бояться нечего, дорогая, – успокоил Гальбергер жену. – Ведь мы не в Парагвае; здесь до нас не дотянется старый плут Франсиа и его приспешники. А Гаспар занят по хозяйству. Да пустяки. Обыкновенная утренняя прогулка. Съезжу, увижу, что все в порядке, – и через два-три часа мы будем дома. Прощайте! Едем, Франческа!

Он трогает коня, Фрайческа легонько касается своего пони хлыстиком, и оба бок о бок отправляются мелкой рысью.

Оставшиеся стоят на веранде и глядят вслед. Взгляды их выражают разные чувства – разные и по характеру, и по силе. Людвиг кажется только немного раздосадованным тем, что его не взяли, но большего огорчения, по-видимому, не испытывает. Чиприано, наоборот, так огорчен, что вряд ли ему удастся как следует выучить урок. Что касается хозяйки, то в глазах ее светится не досада, а мучительное беспокойство. Эта дочь Парагвая, воспитанная в вечном страхе перед всемогуществом диктатора, не представляет себе места на земле, до которого не могла бы дотянуться рука Эль-Супремо. Она не верит, чтобы люди, восставшие против его желаний или капризов, могли избежать жестокой кары. С младенчества она наслушалась рассказов о безграничной власти деспота, о том, как беспощадно применяет он эту власть. Даже скрывшись в Чако, где покровительство вождя тобасов позволяет ей презирать злобу диктатора, она не слишком верит в свою безопасность. Теперь же, когда случилось нечто странное с Нарагваной и его племенем, страх ее удвоился. Взглядом она провожает мужа и дочь, сердце отяжелело, все тело пронизано предчувствием близкой опасности.

Юноши видят ее страх и пытаются успокоить, но напрасно. Вот уже скрылась за дальним холмом высокая шляпа мужа. Франчески уже давно не видно.

– Быть может, мы никогда не увидим их!

Глава V

Покинутое селение

Всю дорогу Гальбергер ехал легкой рысью, чтобы дочь могла за ним поспеть на своем пони. До становища индейцев он доехал без всяких приключений, но каково было его изумление, когда он увидел, что шалаши, сплетенные из бамбуковых и пальмовых ветвей, стоят на своих местах, но все – пустые...

Охотник слезает с коня, обегает стоянку, заходит в каждый шалаш, но нигде не встречает ни мужчины, ни женщины, ни ребенка... Ни в проходах между шалашами, ни на широкой площади, где старики собираются для отдыха и бесед, а молодежь для игр, – нигде ни души.

Он входит в большой шалаш совета, называемый «малокка», во и тут не застаёт никого. Ни в самом становище, ни на прилегающей равнине не видно никаких признаков жизни.

Гальбергер и удивился и испугался. Испуг его, пожалуй, был даже сильнее удивления, ибо в этом запустении ему чудилось что-то недоброе. Но внимательно осмотревшись кругом, он понемногу успокоился, если не за себя, то по крайней мере за индейцев. Если бы, как он предполагал дома, на тобасов напало другое племя, оно перебило бы мужчин, а женщин и детей увело бы в полон. Такие случаи обычны среди краснокожих туземцев Северной и Южной Америки. Но теперь опасения рассеялись. Осматривая становище, Гальбергер не нашел ни крови, ни трупов... Разве это похоже на битву, после которой на равнине остаются мертвые тела и шалаши превращаются в золу?

Нет, шалаши стоят на месте, хотя в них и не видно домашней утвари. Не оставлено решительно ничего: это мало похоже на военный грабеж. Скорее, весь скарб вывезен спокойно и хозяйственно, как это всегда делают кочующие племена, снимаясь с места. Там и сям на земле валяются обрезки сыромятных ремней. Ясно, что вещи были упакованы и перевязаны.

Итак, с индейцами ничего дурного не случилось. Все же Гальбергер не мог побороть удивления и тревоги. С какой стати тобасы покинули стоянку? Куда могли они уйти? И не странно ли, что Нарагвана так бесцеремонно скрылся неведомо куда, не предупредив его, Гальбергера, о своих намерениях? Ясно, во всяком случае, что племя ушло не на охоту, не за кормом и не на войну. В любом из этих случаев оно оставило бы здесь женщин и детей. Нет, тобасы ушли отсюда всем племенем и, быть может, вовсе не собираются возвращаться на старые места.

Так размышляя, Гальбергер вскочил на коня. Дочь его, не слезавшая со своей лошадки, поехала за ним рысцой, глубоко удивленная всем виденным. Она еще ребенок, но испытала в жизни многое; знает, какими отношениями связан отец с племенем тобасов, и кое-что слышала о бегстве семьи из старого дома. Ей объяснили, что это было вызвано страхом перед Эль-Супремо, которым в Парагвае матери пугают детей. Она знала, что вождь тобасов – друг и защитник ее отца, и вполне разделяла беспокойство и страх Гальбергера.

Обменявшись с дочерью несколькими словами, Гальбергер уже возвращался домой, когда ему пришло в голову проследить, в какую сторону ушли индейцы из своего становища.

Ответить на этот вопрос нетрудно: для этого достаточно найти след, верховых коней и выючных животных. След этот начинался не на том конце становища, с которого въехал охотник, а на противоположном; около мили тянулся он вдоль берега реки, а затем резко сворачивал в пампасы. До этого поворота и дальше совершенно отчетлив, хотя протоптан уже давно; дождя с тех пор не было, и следы копыт, выбитые быстрым галопом, просвечивают сквозь редкую траву. Тут же виднелась широкая полоса, протоптанная тяжелым шагом

вьючных животных. Но, независимо от следов тобасов, дорогу указывали обломки и ненужные вещи, выброшенные в пути.

Добравшись до места, где след сворачивал от реки к пампасам, Гальбергер, наверное, поскакал бы домой, если бы его не удержало одно соображение. Ему случилось здесь охотиться, и он знал, что в каких-нибудь десяти милях тобасы наткнутся на приток Пилькомайо. И вот он задался вопросом, двинулись ли индейцы вверх по притоку или направились к большой реке. Солнце стояло в зените; до вечера было далеко. Гальбергер увлекся и позабыл обещание, данное жене, – вернуться через два часа домой.

Пришпорив коня и подозревая Франческу, он доскакал галопом до притока Пилькомайо. Блеснула широкая, но мелкая река, окаймленная топкими лугами. На болотистом грунте отчетливо отпечатались сотни лошадиных копыт. Даже не переправляясь на другой берег, Гальбергер заметил, что след продолжается не вверх по течению притока, а вдоль большой реки.

Он снова заколебался – не вернуться ли домой, с тем чтобы завтра прискакать сюда с Гаспаром и выследить дальнейший путь индейцев? Но тут ему бросилось в глаза одно удивительное обстоятельство.

Это отпечатки копыт. Кругом видны были сотни других следов; почему именно этот привлек внимание охотника? Гальбергер знал, чему удивлялся. Здесь прошла подкованная лошадь, а индейцы своих лошадей не подковывают. Мало того: этот след был бы не так подозрителен, если бы он относился к тому же времени, что и прочие. Но нет, опытный взгляд охотника сразу отметил, что тобасы проехали по крайней мере три недели назад, тогда как всадник на подкованной лошади – на прошлой неделе.

Кто бы ни был таинственный всадник, он путешествовал один. Остается разгадать, был ли то индеец или белый. Но как мог белый проникнуть в эту область, запретную для всех бледнолицых, кроме Гальбергера и его родных? Если б не следы подков, охотник не усомнился бы, что запоздалый ездок – индеец.

Долго стоял охотник-натуралист у берега реки, разглядывая отпечатки подков и размышляя о странном всаднике. Наконец он решил переправиться вброд через приток и посмотреть, не поехал ли этот всадник по следу индейцев. Он уж пришпорил коня и кликнул Франческу, но тут с противоположного берега до них донеслись голоса, и они снова застыли на месте. Был слышен хохот и веселые восклицания; казалось, там резвилась целая компания веселых юнцов. Звуки быстро приближались.

Оба берега притока, а также и самой Пилькомайо, покрыты густой тропической растительностью – главным образом, невысоким кустарником, над которым возвышаются стройные пальмы. Веселые путники пробирались через такую заросль; они были скрыты листвой, и Гальбергер с дочерью их не видели.

На противоположном берегу, в том месте, где отпечатались следы индейцев, простиралась небольшая безлесная полоса в несколько квадратных акров. Должно быть, кусты здесь были вытоптаны дикими конями и другими животными, спускавшимися к реке на водопой. Отступая от берега, полоска луга вдавалась мысом в густой кустарник, и Гальбергер заметил, что след индейцев входит в кусты как раз в том месте, где заострялся этот мыс. Он не сомневался, что приближающаяся кавалькада выедет на открытый луг именно из этих зарослей.

Действительно, она уже приближалась. Странная то была кавалькада! Около тридцати всадников ехали попарно, причем двое передовых значительно опередили своих спутников. Надо заметить, что в отличие от своих лесных братьев индейцы пампасов и прерий далеко не всегда ездят гуськом. Такое построение слишком растягивает верховой отряд, так что он теряет связь и силу сопротивления. Поэтому индейцы прерий нередко передвигаются колоннами и развернутым фронтом.

Все всадники, кроме передовой пары, были одеты совершенно одинаково, и у лошадей их была одинаковая сбруя. Одежда на этих людях была самая простая и несложная: она состояла из набедренной повязки, ниспадающей от поясницы до середины бедер, точно такой, как у северных индейцев, но сделанной из другого материала. Вместо дубленой оленьей кожи обитатели Чако носят белую хлопковую ткань, красиво отделанную яркой шерстяной тесьмой. В отличие от своих северных братьев они не знают ни сапог, ни мокасинов²⁵. Климат здесь настолько мягок, что обувь не нужна. Для защиты ступней от камней, шипов и колючек индейцы Чако подвязывают на ремнях толстые подошвы, но и то далеко не всегда, ибо чаще всего они не ходят, а ездят верхом.

Обнаженные ноги всадников, пробиравшихся сквозь низкорослые заросли, были гладки, как полированная бронза, и стройны, словно вышли из-под резца Праксителя²⁶. Туловища их были также обнажены, но не размалеваны ни мелом, ни сажей, ни киноварью, ни другими яркими и грубыми красками. Смуглая кожа, подобная бронзе или темной амбре, была совершенно чиста и лоснилась лишь мягким блеском здоровья. Никаких украшений, кроме бус из раковин или зерен местных растений, на всадниках не было.

Все они сидели на низкорослых, но стройных и крепких лошадках, чьи длинные хвосты и гривы не знали ножниц: варварский обычай подрезания хвостов еще не дошел до «варваров» Чако.

Индейцы Чако не употребляют седел. Они накрывают лошадь куском воловьей кожи или оленьей шкуры, а вместо узды им служит обыкновенный сыромятный ремень, обвязанный вокруг нижней челюсти лошади. Ни головного ремня, ни удила у них не бывает. Ремень дает всего один повод, и этого индейцу вполне достаточно, чтобы управлять конем.

Все всадники, приближавшиеся к реке, были очень молоды – ни одному из них еще не было и двадцати лет; волосы, только на лбу подстриженные челкой, свободно ниспадали на плечи. У некоторых они были так длинные, что концы их доходили до круп коней.

Двое передовых резко отличались от своих спутников. Видно, недаром они ускакали вперед, оставив между собой и следующей парой тройной интервал. Один из них отличался от своих спутников только одеждой. Подобно им, то был индейский юноша, по виду моложе всех остальных. И все же в нем сразу можно было узнать вождя: так богата была его одежда, пошитая из самых красивых и редких тканей, известных индейцам Чако. Свободная туника из белой хлопковой ткани докрывала его туловище от плеч до половины бедер. На обнаженных до самых плеч руках блестел браслет литого золота. Ноги были голы, но под коленями их охватывали перевязи, расшитые раковинами и пестрыми бусами. На лбу у юноши красовалась такая же перевязь, утыканная высокими яркими перьями из хвоста гвакамайо, одной из великолепнейших пород южноамериканских попугаев. Но самой роскошной частью его одежды была манта – нечто вроде плаща или пончо. Подобно гаучосскому пончо, манта свободно висит за плечами, но только делается она не из шерстяной ткани, а из более дорогого материала. Плащ молодого индейца был из кожи молодой косули, выдубленной и выбеленной до мягкости и белизны лайковой перчатки: с лицевой стороны он был расшит пестрыми редкостными птичьими перьями, которые располагались сложными и прекрасными узорами.

²⁵ Мокасины – индейские сапоги без каблуков.

²⁶ Пракситель – античный греческий скульптор (Афины), живший в IV веке до нашей эры.

Двое передовых резко отличались от своих спутников

Сложен юный вождь был так изящно и пропорционально, что, если б не темная кожа, его можно было б принять за самого Аполлона; зато всадник, ехавший рядом с ним, походил на сатира. То был белый, лет тридцати, высокий, плечистый и коренастый, с мрачным выра-

жением лица. Одет он был, как гаучо: на ногах длинные шаровары, за плечами полосатое пончо, на голове шелковый тюрбан. Но то был не мирный земледелец, а коварный и жестокий негодяй, искушенный в обманах и предательствах, – Руфино Вальдец, известный всему Парагваю как приближенный диктатора Франсия и один из опаснейших его агентов.

Глава VI

Старый враг на новом месте

Если б охотник-натуралист знал, что случилось с племенем тобасов, если б он знал, какая кавалькада приближается к нему, он ни одной секунды не стал бы медлить на берегу реки. Нет, он сейчас же повернул бы коня, во весь опор помчался с дочерью домой и немедленно бежал бы из усадьбы со всей своей семьей. Но он не подозревал страшного удара, обрушившегося на него и на его близких, он не разглядел, еще приближающихся всадников, чьи громкие полоسا доносились из-за реки.

В ту минуту они были далеко и нескоро должны были показаться на берегу. Сначала Гальбергер не собирался ни бежать, ни прятаться от всадников. Для такой беззаботности у него были все основания. Во-первых, с тех пор как он поселился в Чако, под покровительством Нарагваны, ничто не нарушало его покоя, и он проникся сознанием полной безопасности. А во-вторых, приближающиеся всадники были так веселы, что встреча с ними не предвещала ничего страшного. Конечно, это тобасы. Они возвращаются вместе со своим вождем в покинутое становище. Так думал Гальбергер...

Но что, если это не они, а какое-нибудь другое индейское племя – ангвиты или гуайкуру, враждующие с тобасами, стало быть, и с их союзниками? Снова вспомнил Гальбергер о внезапном исчезновении тобасов со старого становища – и тут же сообразил, что находится в добрых двадцати милях от дома, что с ним его дочь, а с ребенком гораздо труднее ускользнуть от врагов, чем одному. При этой мысли в его душу прокрался страх. Нет, страх не прокрался в душу, а сразу вспыхнул ярким пламенем. Кто знает, что за люди едут сюда? Нужно предпринять все возможное, чтоб избежать встречи. Не поскакать ли во весь опор домой? Или, спрятавшись в зарослях, выждать, пока индейцы не проедут мимо? Ведь если это действительно тобасы, можно будет выйти из под прикрытия и присоединиться к ним, а если чужие, то, пропустив их, незаметно пробраться домой.

Сперва Гальбергер склонялся к первому решению. Но, оглянувшись, он убедился, что безлесный берег, спускающийся к реке пологим склоном, весь, как на ладони, виден с противоположной стороны реки. Чтобы добраться до вершины холма и скрыться в лесу, требовалось время. Правда, подъем займет не больше двух-трех минут, но голоса все приближались: всадники сейчас выедут на опушку. Завидев беглецов, они, конечно, бросятся в погоню, и если это не тобасы, дело кончится схваткой. Будь Гальбергер один, он рискнул бы пуститься вскачь на своем горячем коне и, по всей вероятности, добрался бы домой целым и невредимым. Но ведь с ним Франческа, а ее крохотный пони не выдержит скачки по пампасам, не обгонит краснокожих кентавров. Волей-неволей пришлось отказаться от бегства...

Гальбергер вторично окинул взглядом берег и решил спрятаться. Еще раньше заметил он невдалеке густые заросли сумаха²⁷, увитые лианами и совершенно не проницаемые для взгляда. Трудно себе представить лучшее укрытие...

И вот охотник-натуралист направил коня к зарослям и вместе с Франческой въехал под темный лабиринт ветвей и листьев. К счастью, отец с доверью сразу напали на тропинку, протоптанную тапирами, и исчезли в чаще. Быть может, им следовало, не задерживаясь, ехать дальше; но, пожалуй, и это не спасло бы их. Сомнения овладели охотником: что, если он скрывается от воображаемой беды, прячется не от врагов, а от друзей? И Гальбергер остановил коня на узкой прогалине, откуда можно было наблюдать переправу.

²⁷ Сумах – «уксусное дерево» из группы лимонных (*Rhus typhina*); плоды сумаха ядовиты.

Отец велел девочке подъехать к нему вплотную и крепко сжать поводья, чтобы пони не шелохнулся. Но Франческа не нуждалась в указаниях. То была не городская девочка, привыкшая к безопасности и спокойной культурной жизни. Франческа выросла на лоне природы, среди полудиких племен и на своем коротком веку испытала немало опасностей. И теперь, сознавая серьезность положения не хуже отца, она вела себя осторожно и осмотрительно. Крепко сжимая поводья, она легонько трепала пони по холке, чтобы он не пугался и стоял смирно.

Прошло несколько минут – и отец с дочерью увидели то, чего ожидали. Из лесу выехал отряд индейцев. Всадники были еще далеко – по крайней мере в четверти мили, – но Гальбергер и его дочь разглядели, что это были индейцы. Франческа, более зоркая, чем отец, с первого взгляда определила, что это тобасы. Ей сразу бросился в глаза узорный плащ вождя, и она догадалась, на чьи плечи он накинута.

– Отец, – прошептала она, – это тобасы! Взгляни – во главе отряда скачет Агвара...

– Ну, тогда бояться нечего, – со вздохом облегчения ответил отец. – Мы можем выехать отсюда, Франческа. Должно быть, племя возвращается на старое пепелище. Не понимаю, где они так долго пропадали? Но сейчас все выяснится. Мы проводим их до лагеря, и, может, Нарагвана захочет сегодня же навестить нас. Во всяком случае... Это что такое? Клянусь, рядом с Агварой – какой-то белый. Кто б это мог быть?

Гальбергер и Франческа еще не тронулись с места. И вот они вновь застыли в седлах и впились взглядом в лицо белого человека.

– Отец! – воскликнула Франческа, – ведь это тот страшный человек, который бывал у нас в Асунсионе... Еще мама так не любила его... Это сеньор Руфино.

– Тс-с! – остановил ее отец. – Молчи, держи поводья крепче, не шевелись.

Мудрено ли, что натуралист сразу насторожился? Ведь он услышал имя злейшего своего врага. Имя человека, который постоянно вредил ему, притеснял его, чем только мог, а под конец оскорбил и его жену, явившись к ней посланцем диктатора.

И вот теперь этот негодяй скакал во главе отряда тобасов, тех самых тобасов, которых Гальбергер всегда считал лучшими своими друзьями! Руфино Вальдец едет бок о бок с сыном старого вождя! Что может это означать?..

Сначала Гальбергер подумал, что Вальдец захвачен в плен тобасами. Но нет: белый всадник не связан, его не караулят... Напротив, он совершенно свободен и непринужденно беседует с юным вождем. Разговор, очевидно, секретный – иначе зачем бы им отделяться от отряда?

И снова Гальбергер теряется в предположениях, но не находит разгадки. Быть может, между Нарагваной и парагвайским диктатором снова заключен мир и восстановлен союз? Или Вальдец явился к тобасам для мирных переговоров? Это самое правдоподобное. Но в таком случае почему же Нарагвана покинул без всякого предупреждения старое становище? Скрыться так внезапно, не сказав ни слова! Право, это похоже на разрыв дружбы, на отказ в защите. Если тобасы заключат союз с парагвайцами, вряд ли они станут оговаривать неприкосновенность Гальбергера. Увы, выдача натуралиста будет одним из основных пунктов мирного договора! Но неужели Нарагвана способен на предательство? Нет, этого Гальбергер не допускал, и потому-то он изумился, увидав Вальдеца рядом с Агварой.

Во всяком случае, положение было угрожающим. Присутствие Вальдеца не предвещало ничего доброго. От этого человека можно было ждать любой мести, вплоть до убийства. Машинально сдерживая горячего коня, Гальбергер обсуждал свое положение, взвешивал все возможности... Мысли с невероятной быстротой проносились в его мозгу; внезапно он понял, что смерть близка. То было не предчувствие, а нечто худшее – полная уверенность в неизбежной и скорой гибели. Гальбергер вспомнил глубокую ненависть Вальдеца, вспомнил и о том, что человек этот – прославленный «растерю» (проводник, следопыт). Разве

можно обмануть его, спрятавшись в кустах? Разве лошадь Гальбергера и пони его дочери не оставили следов на топком, прибрежном иле? Уж, конечно, ни Вальдец, ни индейцы не могут не заметить свежих отпечатков копыт. Нет, враги сразу увидят их и выследят беглецов в их убежище! Зачем, зачем они остановились на прогалине, а не ускакали по протоптанной тапирами тропинке! Время потеряно. Поправить роковую ошибку нельзя...

Охваченный смертельным ужасом, Людвиг Гальбергер склонился к самой луке седла и, прячась за листвой, неотступно следил за приближающимся отрядом. Чем ближе подъезжал к реке отряд, тем яснее становилось, что жизни охотника и ребенка грозит страшная опасность.

Глава VII

Руфино

Чтобы разрешить странную загадку и объяснить, «каким образом Руфино Вальдец очутился среди тобасов и дружески разговаривал с их юным вождем, нам придется вернуться назад и сообщить кое-что о самом Вальдеце и о его порочном господине. Придется также рассказать о причинах, по которым Нарагвана и его племя покинули свой старый лагерь, и обо всем том, что случилось с ними после ухода. Из всех этих событий самым серьезным была смерть Нарагваны, ибо старого кацика уже не было в живых: он скончался через несколько дней после своего свиданья с бледнолицым другом.

Последние свои минуты он провел не в покинутом становище; он умер приблизительно в двухстах милях от него, в самом сердце Чако. Там находилось древнее обиталище тобасов – их священный город и кладбище. Где бы и когда бы ни умер индеец этого племени, – пал ли он жертвой врага, погиб ли на охоте, скончался ли от болезни или старости, – соплеменники всегда переносят его тело в священный город и там хоронят, но не в могиле, а на высоком помосте, ибо таков обряд погребения племени тоба.

В священный город Нарагвана отправился не верхом, а на носилках, которые несли его верные воины! Внезапно заболев, старый вождь, предчувствуя близкий конец и желая умереть в том самом селении, где родился, приказал немедленно готовиться в путь. За ним двинулось все племя до последнего человека. Индейцы собрались в один день, и на следующее утро лагерь уже был в том самом виде, в каком через три недели его застал охотник-натуралист.

Если бы Гальбергер попал на берег притока Пилькомайо тремя неделями раньше, он был бы свидетелем одного из интересных зрелищ, которые нередко наблюдаются в южно-американских пампасах, как, впрочем, и в прериях Северной Америки. Я говорю о переправе через реку целого индейского племени на пути от одного становища к другому. Мужчины пускаются вплавь или верхом; женщины и дети в кожаных челнах, которые у индейцев Чако называются «пелота». Тут же рядом плывут собаки. Над рекой разносится шум и крик, собачий лай, конское ржанье, детский плач; время от времени раздаются взрывы хохота – это веселится жизнерадостная молодежь. Но при последней переправе тобасов через реку никто не смеялся: все были удручены тяжелой болезнью вождя. И в самом деле, прибыв в священный пород, старик на второй же день скончался. Тело его было поднято на высокий помост и оставлено там, где уж давно белели кости древних кациков.

Все это совершилось так внезапно, что никто не успел сообщить о событиях Гальбергеру. Нарагвана умер в бреду и, по всей вероятности, потерял сознание задолго до конца. Смерть вождя – великое событие в жизни племени, и тобасы были объаты волнением. У индейцев, населяющих Чако, власть кациков не наследственная, а выборная. Сын Нарагваны – Агвара был любим всей молодежью, и потому его избрали преемником отца.

Если б Гальбергер и знал обо всех этих событиях, он все же не нашел бы в них никакого повода к беспокойству. Смерть Нарагваны не должна была отразиться на его отношениях с племенем тоба. Во всяком случае, она не могла повлечь ни разрыва, ни отчуждения. Действительно, причиной беды была не смерть старика, а другие, еще более зловещие, события тех же дней. Но, чтобы рассказать о них, нам необходимо еще раз заглянуть назад и перенестись в Парагвай, к диктатору Хозе Франсиа.

Потерпев неудачу в своих любовных искательствах и не зная, куда бежал Гальбергер с семьей, Франсиа поручил поиски одному из своих приближенных, человеку с дурной репутацией – Руфино Вальдецу. За поимку беглецов он назначил большую награду, но Вальдец и без премии взялся бы за дело, потому что ненавидел Гальбергера и с давних пор враждовал с

гаучо Гаспаром. Итак, побуждаемый одновременно ненавистью и жадностью, он приступил к розыскам.

До него беглецов пытались проследить солдаты, но им ничего не удалось. Сначала Франсиа был уверен в быстром и полном успехе; никогда еще его помощникам не случалось терпеть неудачу и упускать людей, бегущих из страны. При необычайно тщательной охране границ, которая была установлена в Парагвае, побег казался невозможным. И только после того, как Вальдец безуспешно обыскал все уголки и закоулки парагвайской территории, Франсиа убедился, что Гальбергера с семьей в его владениях нет. Тогда диктатор разослал по всем соседним государствам своих агентов, приказав им продолжать поиски. Основываясь на нелепом законе, о котором мы уже упоминали, Франсиа думал, что, как бы ни обстояло дело с самим Гальбергером, он, во всяком случае, имеет право требовать у соседей выдачи его жены.

Несколько лет бился Вальдец над своей задачей, но не напал на следы беглецов. Он спускался по реке до самого Корриентеса, ездил и дальше, в Буэнос-Айрес и Монтевидео, к самому устью Лаплаты. Только одно не приходило ему в голову – направить поиски в Чако.

Да это и неудивительно. Подобно всем парагвайцам, Вальдец боялся вольных индейцев. Ни он, ни сам Франсиа не представляли себе, чтоб Гальбергер решился бежать в эту опасную область. Кто мог подумать, что белый человек найдет убежище в Чако? Ведь никто даже не подозревал о дружбе охотника-натуралиста с вождем тобасов.

Только в Коимбре после долгих бесплодных поисков Вальдец впервые услышал о беглецах. Один индеец из Чако, пришедший в форт, рассказал ему, что поблизости от становища тобасов, на берегу Пилькомайо, поселился какой-то белый с женой, детьми и слугами. Описание индейца (он был не тобас, а из одного родственного им племени) подходило к приметам Гальбергера и его семьи; Вальдец сразу понял, что он на верном пути. Поспешно вернувшись в Парагвай, он рассказал все своему повелителю.

Эль-Супremo, придя в восторг от сообразительности своего клеветника, удвоил премию за поимку беглецов. Но предстояло преодолеть еще немало трудностей: ведь натуралисту покровительствовали тобасы! И вот как раз в это время в Асунсион пришла весть о смерти Нарагваны, и так как вражда между тобасами и Парагваем вспыхнула из-за личной обиды покойного, то Франсиа и решил, что наступил удобный момент для примирения. Точно так же думал и Вальдец. Ободренный надеждой на мир с индейцами, пылая злобою против Гальбергера и его верного гаучо, он заявил, что готов, рискуя своей жизнью, отправиться к тобасам, чтобы склонить их к новому мирному договору.

Вальдецу поручалось заранее оговорить пункт об обязательной выдаче белого охотника, так долго пользовавшегося гостеприимством и защитой покойного кацика.

Франсиа снарядил Вальдеца в путешествие, снабдил надлежащими средствами (золотая монета в ходу среди индейцев так же, как и среди белых), и посол, покинув город, поднялся по Пилькомайо до самого становища тобасов. Если бы эстансия Гальбергера стояла на самом берегу реки, дело приняло бы, очевидно, совсем иной оборот; но она находилась в стороне, и Вальдец не заметил ее. Становище индейцев он застал покинутым, но опытному следопыту нетрудно было проследить путь племени и нагнать его в священном городе.

Эти подковы коня Вальдеца отпечатались на прибрежном песке и бросились в глаза натуралисту и его дочери.

Глава VIII

Заговор негодяев

Вкратце сообщим об исходе переговоров Вальдеца с тобасами.

Мир был заключен без особых затруднений. На второй или третий день после смерти Нарагваны Вальдец приехал в священный город, где тобасы решили прочно обосноваться. Он застал индейцев в большом горе. Смягченные несчастьем, тобасы дружески встретили посла. Перемена вождя также была благоприятна для парагвайца. Лукавый Вальдец энергично и ловко повел дело и вскоре добился восстановления мирного договора. При этом немалую роль сыграли льстивые речи интригана, а также золото, которым снабдил его диктатор. Прежде всего он склонил на свою сторону старейшин. Но Вальдец не посмел заговорить о выдаче друга покойного кацика; он сразу понял, что старики не нарушат предсмертную волю Нарагваны. Последние связные слова, произнесенные им на земле, были просьбой защищать и охранять чужестранца.

Таково было положение в совете старейшин, и ловкий посол сообразил, что затрагивать этот щекотливый вопрос не только трудно, но и опасно. Но от плана своего Вальдец не отказался. Оставив в покое стариков, он сосредоточил свое внимание на юноше, от которого ждал надлежащего внимания и помощи. Юноша этот был Агвара. Прибыв в священный город тобасов, Вальдец быстро освоился с характером нового кацика, изучил все его слабости и проведал о любви к Франческе Гальбергер.

Прислушайтесь к разговору, идущему сейчас между парагвайским послом и юным вождем тобасов, и вы поймете, что достойные приятели отлично сговорились.

— Девочку вы берите себе в полное владение, — заявил Вальдец, уже посвятив, очевидно, индейца в свои намерения. — Мой господин желает только отомстить за наш закон, нарушенный Гальбергером. Как вам известно, сеньор Агвара, один из наших законов воспрещает иностранцу, женившемуся на парагвайской женщине, увозить ее в чужие страны без разрешения президента. Этот человек не наш: это иностранец, гринго; он приехал из-за больших вод, а жена его родилась и выросла в Парагвае. А он увез ее ночью, как жалкий вор и грабитель...

Старик Нарагвана, конечно, не стал бы слушать подобные речи. Верный дружбе и слову, он никому не позволил бы чернить своего друга, отдавшегося к тому же под его покровительство.

Агвара, видно, был менее щепетилен в вопросах чести. Однако и он колебался и не давал послу решительного ответа.

— Чего вы хотите от меня, сеньор Руфино? — спросил он на ломаном испанском языке, которым владеют все индейцы Чако.

— Ничего, — усмехнулся посол. — Вы ничего не должны делать. Гальбергер, кажется, был другом вашего покойного отца, и вы боитесь вмешиваться в дело. В таком случае держитесь в стороне и не мешайте исполнению закона...

— Что ж вы предлагаете?

— Наш президент пошлет отряд солдат, которые арестуют беглецов и вернут их в Парагвай. Вы ведь обещали снова заключить с нами союз, а раз вы станете нашими союзниками и, надеюсь, верными друзьями, то вы не сможете скрывать наших врагов. Это было бы несправедливо. Если же вы выдадите их, то заверяю вас, что Эль-Супremo осыплет богатыми дарами все племя тоба — и прежде всего молодого кацика. Я не раз слышал, как он отзывался о вас в самых лестных выражениях...

Глаза юноши засверкали от удовольствия: он был честолобив и жаден.

— Но вы потребуете, чтобы мы выдали всю семью? — снова заговорил он. — Отца, мать?..

– Нисколько, – прервал его злодей. – Я знаю, – продолжал он с отвратительной усмешкой, – я знаю, в этой семье есть цветок, которым юный вождь тобасов хотел бы украсить свой дом. Помню, помню, эта девочка – прехорошенькое создание. Впрочем, у нее есть двоюродный брат по имени Чиприано, и, говорят, он к ней равнодушен. В Асунсионе ходили слухи, будто они обручены.

Агвара нахмурил брови. Его черные глаза метали искры.

– Чиприано никогда ее не получит! – воскликнул он со злобой.

– А как вы воспрепятствуете этому, дружок? – спросил искуситель. – Что вы предпримете, если они действительно расположены друг к другу? Ведь вы знаете, что ее отец – не только бледнолицый, но и гринго. Он заражен всеми расовыми предрассудками, которых не знаем мы, парагвайцы: мы ведь сами люди полуиндейской крови, чем и гордимся. Но он никогда не согласится отдать свою дочь краснокожему, сделать ее какой-то «скау», как он презрительно называет женщин вашего племени. Нет, он не отдал бы дочь даже самому могущественному какику во всем Чако. Скорее он убил бы ее своими руками!

– Неужели? – побледнел Агвара.

– Безусловно, – подхватил Вальдец. – Останется ли этот человек под вашей защитой или вернется в Парагвай – сеньориты вам все равно не видать! Есть только один выход, чтоб она не стала женой Чиприано...

– Какой? – нетерпеливо прервал его индеец.

– Разлучить их. Мы захватим отца, мать и Чиприано, а вашу красотку мы оставим здесь.

– Но как же это сделать?

– Вы хотите сказать – как это сделать, чтобы не выдать вашего участия? – прошептал Вальдец.

– Да. Знайте, сеньор Руфино, что хотя я теперь вождь племени, но старики все-таки очень сильны... Если я обижу друга моего покойного отца, они могут мне навредить. Я не свободен, у меня связаны руки.

– Каррамба! Действовать вам вовсе и не нужно. Держитесь в стороне, но не мешайте нам. Все устроится очень просто. Мне нужно только ваше согласие. Не будьте для этого овечьего стада таким же заботливым пастухом, как ваш покойный отец. Позвольте натравить на него стаю парагвайских волков, и, ручаюсь, ярочка останется цела и невредима. Когда мы уйдем, явитесь вы со своими индейцами. «Защищать» старого барана будет поздно, но кто помешает вам подобрать блеющую овечку, спасти ее и доставить в безопасное место? Вы запрете ее, сеньор Агвара, в свое собственное тольдо, и никто не посмеет требовать у вас отчета в ваших поступках. Согласны?

– Говорите тише! – прошептал коварный индеец, подозрительно оглядываясь на спутников. – Они не должны слышать нашего сговора. Я согласен!

Глава IX

Кровавая рука

В ту самую минуту, когда юный каик, забыв о совести, поддался искушению, конь его вступил в поток. Зная, что вода здесь неглубока, а дно крепко, Агвара с Вальдецем спокойно продолжали путь. Индейцы следовали за ними и, не подозревая, в какой гнусный заговор вступил их вождь, по-прежнему шутили и смеялись, пока кони пенили копытами воду.

Многие ошибочно полагают, будто краснокожие обитатели Америки отличаются суровым и молчаливым нравом. Таковы, действительно, бывают некоторые старики, но и то далеко не всегда. Вообще же индейцы жизнерадостны, добродушны и любят всяческие развлечения. Индейская молодежь не менее весела, чем европейская. Почти все свое время она посвящает шумным играм. Вспомним, что именно у североамериканских индейцев мы заимствовали поло и ла-кроссо; конскими скачками индейцы увлекаются не меньше англичан и превосходят их в стрельбе из лука.

Немудрено поэтому, что «золотая молодежь» тобасского племени, из которой состояла свита молодого вождя, не слушала, о чем говорил предводитель с бледнолицым, а забавлялась по дороге как умела. Немудрено и то, что Агвара, озабоченный переговорами с послом, не мешал им шутить и веселиться.

Так переправились они через реку. Но вот передние лошади вышли на берег, и поведение передовой пары всадников резко изменилось. Случайно взглянув на землю, парагваец как опытный следопыт сразу обратил внимание на отпечатки копыт. Он не мог не заинтересоваться ими: они были совершенно свежие; казалось, всадник проехал здесь минуту назад, и при том на подкованной лошади.

Не успел Вальдец как следует разглядеть след, как ему бросились в глаза отпечатки других подков, такие же свежие, но несколько меньших размеров. Парагвайцу не пришлось прибегать к советам юного вождя: привыкнув с самого детства к ремеслу следопыта, он не только заметил отпечатки подков, но и сразу узнал их.

Недаром в течение четырех лет Агвара посещал семью Гальбергера. Ему были известны все лошади, пасшиеся в корралях уединенной усадьбы. Завидев след крохотного пони, Агвара радостно вскрикнул и оглянулся, словно надеясь увидеть его юную владелицу. Но на берегу не было никого, кроме Вальдеца и индейцев, которые задержали коней в воде, чтобы не затоптать свежих следов.

А в это время Гальбергер и Франческа притаились в каких-нибудь двадцати шагах. Спрятавшись за пышной листвой, они все видели и слышали.

Спешившись и быстро осмотрев следы, Вальдец снова вскочил в седло, как бы собираясь тотчас броситься в погоню.

— Здесь было только двое всадников, — сказал он. — Это ясно. Вы думаете, это отец с дочерью?.. Какая жалость, что нам не удалось засвидетельствовать им свое почтение! Личное свидание упростило бы нашу задачу. Вы могли бы сразу посадить курочку в свой курятник, и наседка не успела бы даже захлопать крыльями и покудахтать. А я исполнил бы свое поручение гораздо скорее, чем надеялся.

— Каррамба! — продолжал он. — Вряд ли они далеко ускакали... Вы говорили, отсюда до усадьбы гринго двадцать миль? Если они не слишком торопятся домой, — хотя девочка, вероятно, спешит: ведь дома скучает ее дорогой Чиприано, — то мы успеем нагнать их на полпути. По-моему, нечего терять времени. Что скажете, мой друг?

Индеец не стал возражать. При одном напоминании о «дорогом Чиприано» Агвара побледнел и молча вскочил в седло, готовый тотчас броситься в погоню.

Заговорщики двинулись по следам. Еще раньше они успели заметить, что следы эти доходят только до воды, а затем сворачивают вдоль берега.

– Ага! – воскликнул Вальдец, натягивая поводья. – Здесь они остановились и повернули вверх по реке! Разве им в эту сторону ехать домой?

– Нет, – отвечал Агвара. – Их дорога лежит вниз по Пилькомайо, до самого становища. А потом...

– Тс-с! – прервал его парагваец и заговорил шепотом. – Вы ничего не слышали?.. По моему, где-то звякнули удила. Я не удивлюсь, если наши друзья сидят вон там, в кустах. А ну-ка, постерегите берег, а я пойду на разведку.

– Как вам угодно, – покорно согласился юный кацик.

– Позвольте мне взять с собой двух-трех молодцов. Не то чтобы я боялся сойтись с этим гринго один на один: смешно было бы бояться слабосильного чудака в зеленых очках. Но на всякий случай лучше кого-нибудь захватить. Надо к тому же присмотреть за девочкой.

– Берите, кого хотите.

Вальдец подозвал двух передовых всадников. Они были несколько старше остальных и глядели суровее. Как ни мало прожил Вальдец у тобасов, но все же успел познакомиться кое с кем, а этих двоих знал довольно коротко. Подкупленные золотом, друзья и союзники, они готовы были для него на все.

Агвара кивнул и знаком подозвал двух намеченных индейцев. Вальдец что-то шепнул им, и все трое двинулись вперед.

Направив коня в заросли сумаха, Вальдец подъехал к опушке и с радостью убедился, что следы коня и пони уходят в чащу. Вот он достиг уже места, где Гальбергер свернул на протоптанную тапирами тропинку. Вот он двинулся по этой тропинке, раздвигая гибкие ветви своим длинным копьем. И не успели еще скрыться за ветвями едущие за ним индейцы, как оставшийся на берегу Агвара услышал в чаще ржание чужого коня. Быстрый топот копыт перешел в отчаянную скачку, засвистели и зашуршали ветви: Вальдец и его спутники продирались сквозь чащу.

Юный кацик и его свита стояли неподвижно, прислушиваясь.

Гневные мужские голоса. Отчаянный детский визг. Выстрел и... Девочка все еще кричит, но жалобно. Вот она умолкла... Ни звука...

Сердце Агвары отчаянно билось. Он не сомневался, кто беглецы. Но каков исход стычки? Неужели посол убил и отца и дочь? Или Гальбергеру удалось застрелить самого Вальдеца и обоих индейцев? Нет, этого быть не может... девочка кричала слишком жалобно. Но почему же она так внезапно смолкла?

Из зарослей приближался конский топот. Появились и всадники – четверо. Трое из них – те самые, которые только что расстались с Агварой, но какой у них странный вид: у парагвайца одна рука висит, как плеть, и кровь каплет с пальцев, в другой руке он держит стальное копьё с обагрённым кровью наконечником. Окровавлена грудь одного из юных тобасов: он еле держится в седле. С ними девочка. Голова ее обмотана плащом, который заглушает крики... Она сидит на своем пони, и второй невредимый индеец ведет его в поводу.

С первого взгляда Агвара узнал в девочке Франческу Гальбергер, хотя, чтоб признать пленницу, ему незачем было к ней приглядываться. Ведь только что он слышал ее голос.

– А отец? Что с отцом? – тихо спросил он подъехавшего Вальдеца.

– А вам не все равно? – с отвратительной усмешкой отвечал посол. – Отца я взял на себя, и дело чуть не обернулось плохо. Вот взгляните. – И он показал на свою бессильно висящую левую руку. – Взгляните уж и на это, – добавил он, поднимая окровавленное копьё. – Как видите, и там и здесь кровь. Вывод, сеньор Агвара, можете сделать сами. Вот что касается вас, – прибавил он, кивая на девочку, закутанную в плащ. – Решайте: отвозить ли ее

домой, к маме и очаровательному кузену, или ввести в ваш дом как будущую повелительницу тобасов?..

Недолго колебался юный кацик. Намек на «очаровательного кузена» распалил его гнев и ревность. И когда во главе отряда он двинулся обратно, за реку, с ним ехала пленницей Франческа Гальбергер.

Глава X

Гаспар-гаучо

По широкой волнистой равнине, простирающейся между усадьбой Гальбергера и покинутым становищем тобасов, ехал одинокий всадник. То был крепкий и здоровый, еще нестарый мужчина, широкоплечий и коренастый, но очень стройный, с мускулистыми и гибкими, как у пантеры, руками и ногами. Его смуглое, загорелое лицо дышало добродушием, но в то же время твердостью и решительностью. Прямой и открытый взгляд говорил о смелости и большом уме, а ловкая посадка изобличала прекрасного наездника. Он и лошадь, казалось, были спаяны в одно целое. Костюм его в цивилизованном краю показался бы странным. С плеч всадника спускался, покрывая бедра коня, шерстяной плащ в белых, желтых и красных полосках, – плащ, не скроенный и не сшитый, просто кусок ткани, надеваемый через голову. Это пончо – одежда, преобладающая на берегах Лаплаты, или Параны. Всадник был в широких белых шароварах, так называемых кальцонеро, покрывающих ноги почти до икр, и в самодельных сапогах, без шва: такой сапог представляет собой просто кожу, целиком содранную с конской ноги. Копыто служит каблуком, кожа с голени собирается в складки и одевает ступню, а выше нога покрыта той частью шкуры, которая у лошади облегает бедро. Весь сапог тщательно выдубливается и белится, а затем украшается узорной вышивкой, так что обувь получается очень удобная и приятная на вид. К каблукам прикрепляются шпоры с очень большими – несколько дюймов в диаметре – колесиками, и все вместе напоминает средневековые поножи.

На голове у всадника была широкополая шляпа с высокой тульей и целым султаном страусовых перьев, а под нею яркий платок, защищавший затылок и шею от знойных лучей южного солнца. Сбруя лошади вполне подходила к этому живописному и внушительному костюму. Седло, называемое «рекадо», состояло из нескольких попон, положенных одна на другую, причем самая верхняя – коронилла – была из яркой, искусно простеганной материи; уздечка из плетеного конского волоса была украшена серебряными гвоздиками, на которых висели колечки и кисточки; точно такие же украшения виднелись и на ремнях – грудном и шейном, к которому был прикреплен мартингал. Словом, и по костюму, и по сбруе в этом всаднике нетрудно было узнать гаучо. И в самом деле, то был гаучо – Гаспар-гаучо, герой нашей повести.

Как уже было сказано, он служил у Людвига Гальбергера, служил с тех пор, как охотник-натуралист поселился в Парагвае, и занимал у него должность управляющего, или, как говорят в тех местах, «мажордома». В южноамериканских усадьбах так называемый «мажордом» не носит ни черного фрака, ни белого галстука, ни мягких, неслышно ступающих туфель. Костюм его скорее напоминает кавалериста или флибустьера. Обязанность его требуют умения прекрасно ездить верхом, накидывать лассо, ловить диких жеребцов и объезжать их. Он должен быть мастером на все руки. Таким и был Гаспар, не боявшийся никакой работы и пользовавшийся неограниченным доверием Гальбергера.

Зная, что случилось на берегу притока Пилькомайо, читатель легко догадается, зачем Гаспар выехал из усадьбы в такой необычный час – после полудня. Ведь мы встречаемся с ним в тот самый день, в утро которого Гальбергер с дочерью отправился в стан тобасов. Они не вернулись вовремя, и беспокойство сеньоры, охваченной тяжелым предчувствием, передалось домочадцам. Не выдержав, она послала Гаспара на поиски.

Не только в области пампасов, но и во всей Южной Америке трудно было найти более подходящего для такого поручения человека. Равного Гаспару следопыта не было среди аргентинских гаучо, а его сообразительность и смелость стояли выше всяких похвал. С отъездом гаучо сеньора сразу успокоилась. Не такой человек был Гаспар, чтобы замешкаться

в пути или не найти пропавших! Но на этот раз гаучо, нарушив свои правила, уклонился с прямого пути к стану индейцев, куда поехал хозяин с дочкой.

Дело в том, что он заметил страуса-самца, за которым шла самка. А между тем еще вчера Гальбергер велел ему непременно добыть для каких-то научных целей страуса – первого же страуса, какой попадется. И вот Гаспару попался великолепный экземпляр в самом пышном оперении. Страус этот был не так пуглив и осторожен, как другие, и гаучо решил потратить на него несколько минут. Отвязав от седла свою болу, он галопом пустился за страусом.

Конь у Гаспара, как и у всякого гаучо, был отличный, и, проскакав около мили, он достаточно приблизился к птицам, чтобы пустить в ход болу. Раскрутив ее над головой и выбросив шары вперед, Гаспар с удовольствием увидел, как стреноженный самец повалился на траву.

Подъехав к огромной связанной птице, гаучо для большей верности перерезал ей горло ножом, а затем распутал болу и повесил ее на старое место – на седло.

– Хотел бы я знать, – заговорил он, глядя на убитую птицу, – какая часть этого красавца нужна хозяину?.. А ведь в самом деле красавец! Право, я такого и не видывал... Но все-таки что же ему нужно? Может, один только хвост, а может, голова? Птица ведь тяжелая... Но что поделаешь. Раз ничего не известно, придется захватить всю тушу.

С этими словами он схватил страуса за ногу и подтянул его к коню, стоявшему совершенно неподвижно: гаучо приучают своих лошадей ждать хозяина на месте, так что ни при-
вызывать, ни треножить их не приходится.

– Каррамба! – невольно воскликнул Гаспар, приподнимая птицу с земли. – Ну и тяжесть! Не легче четверти быка... Пожалуй, я напрасно спутался с проклятой птицей, но теперь поздно раздумывать. Времени терять нельзя! Ну-ка, сеньор авеструц, пожалуйста сюда...

И, взвалив страуса – гаучо называют эту птицу «авеструц» – на круп коня, он крепко привязал его веревкой.

Вот он снова в седле и оглядывается кругом, соображая, куда ехать. Ответить на этот вопрос было не так просто: убегая от охотника, страус сделал немало поворотов и петель. Хорошо зная окружающую равнину, гаучо все-таки потерял направление. Это было немудрено: пампасы очень однообразны – везде волнистые холмы и пальмовые рощицы. Ни одной значительной возвышенности, ни одной своеобразной детали.

Гаучо показалось, что он совсем сбился с пути, и уже проклинал себя, а кстати, и соблазнителя-страуса.

– Дурацкий страус, черт его побери! – воскликнул он, растерянно оглядываясь. – Жаль, что я не позволил этому долговязому болвану идти своей дорогой. Вот теперь и плутай из-за него. Нечего сказать, приятная история. Что же мне теперь делать? Я даже домой дороги не знаю... Хотя на что она мне? Разве могу я вернуться ни с чем? Уж придется порыскать, пока не найду пути.

И гаучо тронул коня и пустился на поиски. Он знал, что стан тобасов расположен к западу, и направил коня по солнцу. Вскоре он заметил на равнине предмет, который помог ему с точностью установить дорогу. Это было огромное дерево – «омбу», породы, которая у гаучо пользуется особым почетом за раскидистую прохладную сень, спасающую от жгучих лучей солнца. В тени омбу гаучо ставят свои ранчо²⁸. Под деревом, которое встретилось Гаспару, никакого жилья не было, но Гаспар его узнал: охотясь, он часто отдыхал в его тени, покурявая сигарету.

²⁸ Ранчо – крестьянский двор, усадьба, хутор.

Теперь он радостно улыбнулся: дерево отмечало как раз середину прямого пути от эстансии к становищу тобасов.

Гаучо уже знает, где он и куда надо ехать.

Он на прямой дороге – и гонит лошадь крупной рысью, чтобы наверстать потерянное время.

Дорога найдена, но Гаспар не доволен собою. Правда, он оказал услугу ученому, но ради этого задержался в пути и заставил ждать хозяйку. Возможно, что теперь он разъедется с Гальбергером и Франческой и вынужден будет вернуться домой один. Впрочем, за Гальбергера Гаспар не слишком боялся: зная его характер, он мог предположить, что охотник-натуралист встретил на пути какое-нибудь редкое животное или растение, увлекся охотой или наблюдением и совсем забыл обещание, данное жене.

Гаспар ехал спокойно, с минуты на минуту ожидая встречи с хозяином и все время оглядывая равнину, так как протоптанной дороги между эстансией и становищем не имелось и нетрудно было и разминуться.

Так доехал он до самого становища, но и там нашел только следы коня и пони, ясно отпечатанные на пыльном грунте.

Ни хозяина, ни Франчески, ни индейцев. Шалаши пусты, в проходах между ними ни души. Гаспар окаменел от изумления.

Но не такой он был человек, чтобы долго предаваться нерешительности и бездействию. Вот он скачет от шалаша к шалашу и обыскивает все становище, громко крича Гальбергера.

Ему отвечают лишь эхо да вой волков, подбирающихся к опустелому табору.

Гаспар, подобно Гальбергеру, определил, в каком направлении ушли индейцы, и, напав на след, держался его с большой настойчивостью. С отпечатками индейских коней смешивались следы лошади Гальбергера и пони Франчески.

Следы эти были настолько свежи и отчетливы, что потерять их казалось невозможным. Поэтому Гаспар пустил коня во весь опор. Проскакав около десяти миль, он очутился на берегу притока Пилькомайо. Здесь он долго кружил у самой воды, изумляясь множеству свежих отпечатков, поворачивая то туда, то сюда, стараясь разгадать, в чем дело.

Чтобы распутать бесконечные узлы и петли, ему пришлось призвать на помощь весь свой опыт и потратить немало времени. Но наконец ему удалось установить, что всадники, потоптавшись некоторое время на берегу, перешли реку вброд. Переправившись на другой берег, Гаспар убедился, что отряд ушел вверх по Пилькомайо. В нем явно была одна подкованная лошадь, но гаучо ни минуты не путал ее с лошадью Гальбергера: сама подкова была крупнее и шире, а гвозди загнаны в нее глубже. Следы пони, хотя от здесь и проходил, были затоптаны другими лошадьми.

Поразмыслив, Гаспар переправился обратно: ему хотелось разобраться в следах на ближнем берегу, а потом уже вернуться к прослеживанию отряда.

Вот он снова изучает бесконечно запутанные отпечатки множества копыт. Вот он наткнулся наконец на прямой след и двинулся к заросли сумаха. Вот он въезжает в эту заросль по тропинке тапиров и, проехав ярдов триста, попадает на прогалинку, освещенную косыми лучами заходящего солнца. И здесь ему представляется такое зрелище, что кровь его холодеет, а потом закипает, точно лава, а с губ срывается крик гневного изумления. Ибо видит он взнузданного и оседланного коня, неподвижно стоящего с опущенной почти до земли головой, касаясь мордой расprostертого на земле человеческого тела, а в этом бездыханном теле гаучо с первого же взгляда узнал Гальбергера...

Конь неподвижно стоял у распростертого на земле человеческого тела

Глава XI

Молчаливый спутник

Прошла ночь. Солнце всходит над Чако и лучи его золотят стволы пальм, разбросанных купами вдоль берегов Пилькомайо. Не успел еще багровый диск всплыть над вершинами деревьев, как из зарослей сумаха, где Людвиг Гальбергер напрасно скрывался от Вальдеца и его сообщников, выехало двое всадников.

Показались они не с того конца, откуда накануне проник в эти заросли Гальбергер, а полумилей выше по течению притока, где заросли покрывают весь склон, начиная от берега реки, и резко обрываются, уступая ровной степи. На склоне заросли редуют, и всадники могли бы ехать рядом, но один из них движется впереди, ведя лошадь своего спутника на сыромятном ремне, привязанном к удилам.

Так поднимаются они по склону, и вот перед ними уже просвечивает огромная безлесная равнина с кое-где разбросанными купами пальм.

Теперь между ними и открытой равниной лишь полоса кустов. Передний всадник при-встает на стременах и, переводя взгляд с места на место, внимательно исследует всю равнину. Выражение лица его напряженное.

Вот он снова опускается в седло и едет кустарником: путь, очевидно, свободен. Однако, выбравшись из кустарника, он еще раз оглядывает степь.

Солнце уже поднялось над горизонтом, и лучи его бьют всаднику прямо в лицо, – лицо, смуглое от природы и мрачное от тревожных мыслей, но честное и открытое, ибо это лицо Гаспара-гаучо.

Но кто же его спутник? Несмотря на яркий утренний свет, узнать его нельзя, так как лицо его почти все закрыто нахлобученной на лоб широкополой шляпой. Голова его странно свешивается на грудь, чуть не касаясь ее подбородком. Широкий плащ до колен укутывает фигуру.

Лицо его спутника закрыто нахлобученной на лоб широкополой шляпой

Едучи за гаучо, ведущим его лошадь на длинном недоуздке, он не произносит ни слова, не делает ни малейшего жеста. Он сидит в седле неподвижно и только покачивается в такт шагам лошади. Даже руки его не шелохнутся – он не управляет поводьями, бессильно отда-

ваясь на волю Гаспара. Можно подумать, что это пленник, прикрученный к седлу ремнем или отказавшийся от всякой мысли о бегстве. Но Гаспар – человек мирный, разбоем он не занимается: с какой стати потащит он кого-нибудь за собой насильно?

Но, кто бы ни был неподвижный всадник, Гаспар не обращает на него внимания. Он с ним не заговаривает и даже не оборачивается к нему; гаучо пытливо оглядывает равнину, обшаривая глазами каждый кустик, каждую ложбинку. В то же время он бормочет вполголоса:

– Нет, возвращаться берегом нельзя. Кто бы ни были негодяи, совершившие гнусное дело, они, должно быть, вернутся где-нибудь у реки. Встретюсь я с ними, они, пожалуй, угощают меня тем же, что и его. Нет, лучше уж сделать крюк и поехать другой дорогой... Да я ведь знаю довольно короткий путь. Можно будет добраться до дому, ни разу не подъехав к реке. Если к этому грязному преступлению приложили руку тобасы, – а, как это ни тяжело, я склонен думать, что без них не обошлось, – то кое-кто из них отправится назад, в становище. Надо держаться от него подальше... Нелегко будет пробраться по открытому месту так, чтобы никто нас не заметил... Но пока что никого, кажется, не видать...

И снова гаучо испытующе взгляделся в равнину. Вздых облегчения вырвался из его груди: вдали он увидел стадо оленей, а неподалеку от них – выводок страусов; те и другие вели себя совершенно спокойно. Это хороший признак! Будь где-нибудь поблизости индейцы, звери и птицы почуяли бы их.

– Ну, кажется, все спокойно. Надо ехать. Времени терять нельзя: чем скорее будем дома, тем лучше... Ах, сеньора, бедная сеньора! Что-то она сейчас думает?... А что с ней будет, когда мы вернемся?... Уж не знаю, как и сказать ей. Наверное, лишится чувств. Да и немудрено... Едем: делать нечего. Может, по дороге и придумаю, как подготовить сеньору.

С этими словами он в последний раз оглядывает равнину и трогает коня, второй всадник следует за ним, все такой же немой, недвижимый и безучастный.

Глава XII

Змея ползет обратно

Покуда гаучо и его молчаливый спутник стояли еще на опушке зарослей сумаха, к другому краю этих зарослей подъезжал одинокий всадник. Весь наряд его и сбруя коня – узда с удилами, грудной ремень, седло – указывали, что всадник этот не индеец. И в самом деле, подойдя ближе, мы узнали бы в этом раннем путнике Руфино Вальдеца. Блестяще выполнив свою миссию у тобасов и обделав вдобавок еще одно дельце, он возвращался теперь к диктатору, чтобы отчитаться перед ним и получить дальнейшие приказания.

Прошедшую ночь Вальдец провел в лагере индейцев, который и покинул еще до восхода солнца, хотя Агвара по особым соображениям не прочь был захватить его с собой в священный город. Хитрый парагваец, соблюдая свои интересы, сумел найти ряд отговорок. Агваре волей-неволей пришлось его отпустить. Ведь Вальдец был не пленник, а посол, да к тому же обещал скоро вернуться с драгоценными подарками.

Как ни радовался юный качик своей пленнице, его смущала все же кровавая цена добычи. Возвращаясь к своему племени, он беспокоился, как встретят его старики. Что скажут они, когда узнают всю правду, когда услышат все подробности страшного дела? Всю вину, конечно, Агвара собирался взвалить на Вальдеца. Если б Вальдец остался с ним, Агваре не пришлось бы выдерживать первые объяснения с негодующими старцами: он выставил бы вперед парагвайца и предоставил бы ему успокаивать тобасов. Они кое-что слышали о старой вражде между Гальбергером и парагвайским послом, а тобасы, как и все индейцы, населяющие Чако, признают обычай кровавой мести.

Но Вальдец не пожелал остаться в отряде – и по тем же самым причинам, по которым Агваре так хотелось его задержать. Ни за что на свете не согласился бы он вернуться в священный город тобасов. Он был достаточно умен и слишком дорожил жизнью, чтобы показаться людям, которых оскорбил убийством их гостя. Вальдец отлично представлял себе ту бурю негодования, которую предчувствовал и юный качик. Он понимал, в какое бешенство придут родные и друзья покойного Нарагваны, под чьим покровительством так долго и так спокойно жил мирный чужестранец. Обещая Агваре скоро вернуться, Вальдец лгал. Переезжая вброд приток Пилькомайо и на месте убийства, он с радостью думал, что никогда больше ни этих зарослей, ни злосчастного брода не увидит...

Довольный своим успехом, Вальдец не забывал и о предстоящем деле – деле, для которого незачем было подниматься далеко вверх по Пилькомайо. Как ни занят он был этими мыслями, как ни спешил к диктатору Парагвая, но ехал осторожно, озираясь на каждом повороте. Особенно пристально оглядел он безлесные берега реки и, только убедившись, что они безлюдны, пустил коня вплавь. Борясь с течением, он не смотрел на воду, взоры его были прикованы к тому берегу.

Но следов Гаспара он не мог разглядеть.

– Вряд ли эти разины уже успели сюда приехать за исчезнувшей парочкой, – пробормотал он. – Еще рано! Тревогу, я думаю, они подняли только ночью и теперь только выступают...

На берегу он осадил коня и с усмешкой взглянул на заросли сумаха.

– В сущности, – прошептал он, – надо поглядеть, что там делается. Кто его знает: а вдруг он?.. Девчонка так орала и билась, что я не успел проверить – до конца ли сделано дело? Если он жив, то, пожалуй, уполз... А может, его и нашли?.. Каррамба! Придется проверить. Это вопрос десяти минут или одного последнего удара...

С этими словами убийца прищипорил коня и въехал в заросли с того же места, что накануне. Так, спугнутый охотниками тигр, крадучись возвращается к растерзанной жертве.

Вот он углубляется в темную чащу и ощупью едет по тропинке тапиров. Он помнит эту тропинку хорошо, даже слишком хорошо, и, ни разу не сбившись с нее, выезжает на прогалину, которую помнит еще лучше, ибо это та самая прогалина, где каких-нибудь двенадцать часов назад он совершил убийство. Теперь она освещена слабым утренним светом.

Не слезая с коня, убийца обзревает почву, но, к величайшему своему изумлению, не видит ничего. На прогалине нет ни живого Гальбергера, ни его трупа.

Глава XIII

Человек, за которым не стоит гнаться

Руфино Вальдеца охватило бешенство. С уст его срывались восклицания изумления и досады. Но, взглядевшись пристальней в его лицо, мертвенно-землистое в утреннем освещении, мы различили бы на нем признаки страха.

– Тысяча чертей! – бормотал он, растерянно оглядывая траву. – Что это значит? Может ли быть, чтобы гринго выбрался отсюда? Может ли быть? Очевидно, может, если он выбрался. И конь его тоже. А мы-то, дураки, оставили ему коня. Ну, конечно, так и есть: он изловчился, влез на коня и поехал домой. Сейчас, должно быть, уже в эстансии...

Вальдец уже хотел было прыгнуть наземь, чтобы внимательней разглядеть притоптанную траву и выяснить, действительно ли Гальбергер проявил такую невероятную живучесть. Но не успел он высвободить одну ногу из стремени и приподняться на другой, как до слуха его донесся своеобразный звук – такой подозрительный, что он снова уселся в седло и стал прислушиваться. Звук этот был негромок, но полон значения: конский топот в такой глуши!

– Отлично! – прошептал Вальдец. – Это конь Гальбергера.

Звук ослабевал, топот удалялся.

– Да, это его конь, – повторил убийца, продолжая прислушиваться. – Кому же на нем ехать, как не хозяину? Он удаляется, и довольно медленно. Впрочем, оно и немудрено. Ага, остановился... Что же мне теперь делать?

Вальдец еще раз прислушался и оглядел прогалину. Тут ему бросился в глаза новый просвет в чаще, тоже протоптанный тапирами. Как ни слаб был утренний свет, но на этой тропинке, выведившей из заросли не к броду, а в другом направлении, виднелись свежие лошадиные следы.

Вальдец, не теряя времени, кинулся по следам. Тропинка тапиров вела вверх по склону, в сторону от реки. Вальдец погонял коня, увязавшего в рыхлой почве. Теперь он забыл осторожность, думая только о том, как скорее настичь ослабленного ранюю врага и разделаться с ним.

Каково же было его изумление, когда, добравшись до пампы, он увидел не одного всадника, а двоих! Пусть один из них ранен и обессилен, зато другой далеко не таков. Этот здоровяк и силач – человек, которого Руфино Вальдец боится больше, чем ненавидит, хотя ненавидит всем сердцем.

Это Гаспар-гаучо, его давнишний соперник в любви, одержавший над ним верх в борьбе за сердце парагвайской красотки...

Боевой пыл убийцы сразу остыл. Вместо того чтобы броситься вперед и напасть на медленно удаляющихся всадников, он думал о том, как ускользнуть от них. Двое против одного! К тому же левая рука Вальдеца раздроблена пулей Гальбергера и висит на перевязи. Правда, Гальбергер не даст ему отпора. Он весь согнулся, с трудом держась в седле. И все же Вальдец не посмел бы напасть на этих людей, даже если б владел обеими руками. Уж не потому ли, что Гаспар когда-то пощадил великодушно его жизнь?.. Нет, не хотелось Руфино Вальдецу тягаться с Гаспаром-гаучо... И он так туго натянул поводья, что конь его прянул назад, словно наступил на змею.

Успокоив лошадь ободряющим шепотом, убийца спрятался в густом кустарнике. Он трясся мелкой дрожью, но глаз не сводил с врагов. Руфино вздохнул свободно лишь тогда, когда всадники нырнули в высокую траву пампасов. Тогда сердце его, освободившись от мучительного страха, забилось яростью.

– Каррамба! – воскликнул он. – Доброго пути, сеньоры! Желаю вам поскорее добраться домой. Ха-ха! Нечего сказать, весело будет в вашем гнездышке, когда там узнают, что пропал самый молоденький, самый нежный цыпленочек, любимец всего выводка!.. А скоро и всей вашей компании придется очистить старый курятник. Да, скоро – как только я попаду в Асунсион и вернусь оттуда с дюжиной наших квартелеро. Ого, тогда мыведем кой-какие счета. Если бы глупый мальчишка, сын Нарагваны, не был таким трусом, я бы расквитался с вами и теперь... Я бы вернулся домой не с пустыми руками, а с целым караваном пленников. Ну, ладно, теперь уже недолго ждать. Три дня – до Асунсиона – будь у меня конь посвежее, так добрался б я раньше, – да еще три дня на обратный путь с отрядом. Так и быть – кладем на все неделю. Клянусь, что если по истечении этого срока где-нибудь и будет разгуливать человек по имени Гаспар Мендес, то это будет не тот, чью голову, одну только голову я вижу еще вдали... Голова эта слетит с плеч, а если на них и удержится, то лишь для того, чтобы мне удобнее было затягивать лассо на шее!

– Но торопиться пока не надо, – продолжал он. – Что, если Гальбергер меня заметил? Вряд ли. Ну а все-таки... Да, тогда они смекнут, что не все еще кончено. На половине дороги я не остановлюсь... это они поймут – и не останутся на старом насесте. Но куда им теперь деваться? Агвара с ними порвал; пока девчонка у него, он их злейший враг. Впрочем, и помимо него легко завербовать сторонников среди тобасов. Стекланные бусы и прочие побрякушки привлекут ко мне молодежь, а подарив кому следует десяток золотых монет – очарую и старцев. Бояться нечего. Неудачи быть не может... Раз тобасы на моей стороне, Гаспар не найдет в Чако убежища. Итак, продолжайте свой путь, кабаллеро. Через неделю мы побеседуем с вами на более коротком расстоянии и с более приятным, надеюсь, для меня результатом.

Бормоча это, Вальдец неотступно следил за двумя всадниками, пока они не скрылись в море высокой травы. Последним исчез страусовый султан на шляпе Гаспара, развевавшийся на ветру, словно вызов трусливому врагу.

Когда пропал и этот султан, Вальдец, убежденный, что враг его не видит, погрузился в раздумье. Очень многое казалось ему странным. Прежде всего, почему ученый охотник и слуга его ехали шагом? В пампасах шагом не ездит никто – особенно гаучо. Гаучо всегда скачет галопом, даже тогда, когда ему надо только отъехать от своего одинокого ранчо на полет камня, чтоб зачерпнуть воды в ручье.

– Ничего удивительного, – прошипел он наконец. – Вполне понятно, что они ползут, как улитки. Каррамба! Удивляюсь, как еще этот гринго держится в седле. Я был уверен, что с ним покончено: копье вышло между ребер... Должно быть, оно наткнулось на какую-нибудь пуговицу или пряжку... Какой же я дурак, что не осмотрел его тут же, на месте. Ну ладно, жалеть теперь уже поздно. В другой раз сделаю дело чище...

Успокоив себя этими рассуждениями, Вальдец задался вопросом, почему Гальбергер с гаучо не поехали кратчайшим путем, то есть через покинутый стан тобасов. Решив, что Гальбергер избегает встреч с индейцами, а потому избрал кружной путь, он круто повернул коня, выбрался зарослями к реке и во весь опор пустился в Асунсион через становище. Погоняя коня, он все же опасливо поглядывал по сторонам, не мелькнет ли широкополая шляпа со страусовыми перьями.

Глава XIV

А их все нет

Волнение и страх царили в эстансии Людвиг Гальбергера. Всю ночь никто в доме не сомкнул глаз. Даже пришлые работники, индейцы из племени гуарани, проявили интерес к домашним делам хозяев. Все утешали жену Гальбергера.

С каждым часом тревога ее возрастала. Предчувствия еще с утра давили бедную женщину свинцовым гнетом. Она уже не сомневалась, что с мужем и дочерью случилось нечто ужасное. Если бы в дом внесли сейчас их трупы, она бы вовсе не удивилась.

Напрасно маленький Людвиг старался успокоить мать, напрасно выдумывал все новые и новые причины, которые могли бы задержать отца. Ему не удалось разгладить морщины на ее лбу, снять камень с ее сердца. Немногим больше успел и Чиприано, который и сам не находил себе места. Как ни любил Людвиг сестру, но Чиприано сильнее дрожал за Франческу.

Молодость не унывает: как ни боялись юноши за пропавших, они бодрились.

— Пустое, мама! — с притворной веселостью говорил Людвиг. — Все будет хорошо. Утром, а может, и раньше они вернутся. Сколько раз экскурсии отца затягивались на ночь.

– Пустое, мама! – с притворной веселостью говорил Людвиг

– Но тогда он уезжал с Гаспаром, – безнадежно отвечала мать. – С Франческой он никогда не опаздывал...

– Ну, что ж, Гаспар и теперь, наверное, с ними. Нечего волноваться... Уж Гаспар-то найдет их! Ты как думаешь, Чиприано?

– Конечно, – поддержал его двоюродный брат. – Куда бы они ни попали, он непременно разыщет их следы. Гаучо различит самые слабые отпечатки, а тем более следы подков дядиной лошади...

– Следы-то он найдет, – вздохнула сеньора Гальбергер. – Но куда заведут его эти следы? Ах, боюсь...

– Не бойтесь, тетушка, – прервал ее племянник, – я, кажется, догадался, что их задержало.

– Неужели?.. – И в глазах сеньоры блеснула надежда.

– Вы знаете, – продолжал Чиприано, – с какой горячностью дядя набрасывается на всякое интересное животное или растение. В таких случаях он забывает все на свете. Очевидно, он натолкнулся на очень крупный и громоздкий экземпляр, который трудно сразу перевезти домой.

– Нет, нет, – прошептала сеньора, снова впадая в отчаяние, – этого быть не может!

– Почему же «нет»? – настаивал Чиприано. – Как раз вчера он при мне велел Гаспару во что бы то ни стало раздобыть ему страуса-самца. Не знаю, для каких целей... Уверен, что на пути к становищу или обратно дядя высмотрел страуса и погнался за ним, а Франческу оставил где-нибудь дожидаться. Вы поймите, тетя, что такое охота за страусом. Пока к нему подбираешься, он шествует медленно и торжественно... Кажется, так легко к нему подъехать и накинуть ему на шею лассо. Думаешь, две-три минуты – и готово. Немыслимо не уклониться в сторону. Вот дядя и увлекся: скачет мило за милей, ловит страуса, обо всем позабыв. А ведь надо еще вернуться к Франческе, чтобы вместе доехать домой. Немудрено, что их еще нет.

Все это звучало довольно правдоподобно, но сеньору Гальбергер не убедило.

– Нет, мой милый, – тоскливо отозвалась она, – этого быть не может. Ты забываешь, что за дядей поехал Гаспар. Если бы он его догнал, все трое давно уже были бы дома. Я знаю: они никогда, никогда не вернуться...

– Не говорите так, мама! – встрепенулся Людвиг.

– Всем известно, как старик Нарагвана падок до рому. Часто он пьянствует по целым неделям. Должно быть, он и сейчас пьет – потому-то и не был у нас так долго и никого не присылал. А если он запил, то ни за что ни отпустит отца из становища, не со зла, а из каприза, самодурства. Разве я не прав?

– А Гаспар? Разве он задержит Гаспара? Да Гаспар и не посмеет остаться: я ведь велела ему возвращаться как можно скорее.

– А что же Гаспару делать? Если пьян вождь, то пьяно и все племя. Как ему вырваться? Нет, уже все трое просидят с индейцами до утра. Ну, не горюйте, тетя: к завтраку они будут здесь.

Ночь прошла в таких разговорах, а наутро предсказание Людвига не сбылось. Мать оказалась права. Прошел час завтрака, близился час обеда, а беспокойные любящие глаза, устремленные на равнину, не видели ничего, кроме диких и вольных зверей. В небе мрачная примета – кружила стая черных ястребов.

Солнце склонялось к западу, и тени удлинялись, когда в эстансии услышали конский топот; но всадник удалялся от усадьбы... Это был Чиприано: наскучив томительным ожиданием в обществе тетки и кузена, он оседлал коня и выехал на поиски Франчески, которая была ему дороже жизни.

Глава XV

Мучительное путешествие

За два часа до захода солнца гаучо и его немой спутник появились на горизонте усадьбы. Гаспар заметил желтое пятнышко дома с вершины большого холма, в трех милях от эстансии по дороге к становищу тобасов. Далеко объехав самый лагерь индейцев, Гаспар проделал последнюю часть пути по этой единственной дороге к дому. Целых восемь часов прошло с тех пор, как он выехал на заре из зарослей сумаха, покрывающих берег притока Пилькомайо, а между тем всадники проехали не больше двадцати миль. Обычно гаучо делал двадцать миль за каких-нибудь два часа или того меньше.

Но на этот раз у него были серьезные основания не торопиться. Во-первых, он не хотел, чтобы его заметили, а поэтому ехал петлями и зигзагами, пользуясь всеми встречными прикрытиями, прячась за каждой купой пальм или дубов.

Во-вторых, нельзя ехать быстрым аллюром с совершенно неподвижным, безжизненным спутником, который не только не управляет своим конем, но даже не держит поводьев, свободно свисающих с конской шеи. За всю дорогу странный спутник ни разу не подбодрил свою лошадь хлыстом, шпорами или окриком.

Вот путники поднялись на холм, с которого уже виден родной дом. Что же гаучо не торопит коня? Почему он не спешит? Наоборот, он туго натягивает поводья, и конь его застывает на месте, а вслед за ним, как послушный автомат, замирает и второй всадник.

— Я знаю, — бормочет гаучо, — как бьются сердца под этой крышей. Но скоро они сожмутся еще мучительней. Бедная вдова! Что скажет она, когда услышит... когда увидит?.. Пожалуй, грохнется без чувств...

Подумав немного, он продолжает:

— Солнце зайдет часа через два. Лучше подождать. Не следует привозить его засветло. Пусть она не сразу его увидит. Надо ее подготовить, смягчить потрясение... Каррамба! Какая сцена мне предстоит! Лучше ослепнуть, чем видеть все это. Лучше оглохнуть, чем слушать ее рыдания...

И Гаспар повернул коня к высокому омбу, стоявшему неподалеку от холма. Он остановился под тенью дерева, а за ним и второй всадник. Но гаучо спрыгнул с седла, привязал обоих коней к омбу и растянулся на земле, а спутник его сидел на коне и не шелохнулся.

Недолго пролежал Гаспар. Приложив ухо к земле, он уже через несколько минут услышал звуки, заставившие его сначала присесть, а потом вскочить. То был конский топот. Вскоре гаучо увидел и всадника.

— Чиприано! — воскликнул он и добавил: — Сеньора Гальбергер не может меня дожидаться...

И в самом деле, от эстансии во весь опор мчался Чиприано. Он правил коня прямо на становище торбасов, оставив омбу примерно на триста ярдов в стороне.

Но проехать мимо дерева ему не пришлось.

Гаучо отвязал коня, вскочил в седло и поскакал наперерез.

— Гаспар! — взволнованно воскликнул юноша, завидев его. — Ну что? Какие новости? Неужели ты не нашел их?

— Спокойнее, сеньорито, — отвечал гаучо, подъезжая. — Я нашел одного.

— Одного? Но кого же?

— Вашего дядю... Но увы...

— Он умер, умер. Так я и знал. Но где же моя кузина? Жива она или умерла? Гаспар, скажи, что она жива. Умоляю тебя, скажи, что она жива.

– Крепитесь, сеньорито, будьте молодцом, как всегда. С вашей кузиной, наверно, не так уж и плохо. Найти ее мне не удалось, но я уверен, что она жива. Что же до дяди, то приготовьтесь к самому страшному. Ну, обещайте мне быть мужчиной, и едем.

С этими словами Гаспар повернул коня и поехал к омбу, а за ним двинулся онемевший от горя Чиприано.

Но как только юноша увидел безжизненного всадника под деревом, к нему вернулась способность речи, и гаучо стал свидетелем такого взрыва боли и ярости, какого не ожидал от бедного Чиприано.

Глава XVI

Мертвец

Еще раз закат окрасил в пурпур пампасы, а сеньора Гальбергер все еще ожидала своих близких: и пропавших, и ускользнувших на розыски. Один за другим уезжали люди с усадьбы, но никто не вернулся.

И теперь, устремив взгляд на окутанную мраком степь, она волнуется и плачет. Мрачная ночь представляется ей бездонной пучиной, поглощающей всякого, кто осмелится в нее погрузиться. Мгла сковала степной простор, и женщине кажется, будто невидимая рука набросила на пампасы густой покров, чтобы скрыть от ее глаз дорогих ей людей, быть может, уже заснувших вечным сном...

Так стоит она на веранде об руку с сыном, и оба напряженно вглядываются в бесконечную даль. Ничего не разглядишь в этом черном хаосе ночи, но мать и сын не покидают веранды. Сеньора в полном отчаянии. Не видать ей мужа и Франчески! Кто знает, вернется ли племянник... Раз и опытному и энергичному Гаспару не удалось найти пропавших, что может поделывать мальчик – Чиприано? Наверно, всех их захватил какой-то могучий враг, и все они погибли, попав в одну и ту же ловушку!

Как ни томительны были часы ожидания, сеньоре Гальбергер предстояло нечто худшее... Но сначала ей довелось пережить минуту радости, мимолетную, как солнечный луч, последний перед грозой.

Внезапно собака, лежавшая у ног Людвига, насторожилась и с громким лаем бросилась во двор.

Мать и сын, перегнувшись через барьер веранды, устремили взгляд на черную равнину. Вскоре до их слуха донесся лошадиный топот, прозвучавший для них музыкой надежды.

К эстансии приближались всадники; с громким криком выбежала сеньора Гальбергер в сад и остановилась за воротами, у тына. Невдалеке чернели силуэты всадников. Людвиг еле догнал мать.

Увы, их было не четверо, а только трое!

– Это, должно быть, отец с Франческой и Гаспаром, – трепещущим голосом проговорила сеньора, – Чиприано, верно, разминутся с ними. Но и он скоро вернется...

– Нет, – покачал головой Людвиг. – Я узнаю белую кобылу Чиприано.

– Неужели отстал Гаспар?

– Не думаю, – печально ответил Людвиг, сразу сообразивший, что дурные предчувствия оправдались. – Едут двое взрослых мужчин, а вслед третий всадник – Чиприано.

Долго гадать им не пришлось. Всадники остановились у тына. Лунный луч осветил лицо передового: то был Гаспар, в его спутниках сеньора узнала мужа и племянника.

Окинув взглядом лошадей, она убедилась, что Франчески нет.

– Где Франческа? – воскликнула она. – Где моя дочь?

Молчанье... Гаспар поник головой, а сам Гальбергер застыл, как изваянье.

– Что это значит? – спросила сеньора, подходя к гаучо, а потом к мужу. – Где Франческа? Что вы сделали с моим ребенком?

Но муж не ответил ни словом, ни жестом, ни взглядом. Сеньора Гальбергер растерялась:

– Людвиг, что ж ты молчишь? Людвиг, дорогой Людвиг, отчего ты не отвечаешь! Ах, я знаю, знаю – она умерла...

– Не она, а он! – раздался над ее ухом шепот.

Говорил Гаспар, соскочивший с коня и приблизившийся к жене натуралиста.

– Он? Кто «он»?

– Увы, сеньора, – ваш супруг и мой хозяин!

– Может ли это быть... – И дрожащими руками сеньора обняла колени безмолвного всадника.

Мертвое тело, прикрученное к седлу, слегка покачнулось. Шляпа Гальбергера упала на землю, и бледный луч луны осветил землистое лицо и стеклянные глаза.

С диким криком отпрянула женщина и без чувств рухнула на сырую траву.

С диким криком отпрянула женщина и без чувств рухнула на сырую траву

Глава XVII

По следам

Медленно тянутся часы. Снова близится к западу солнце, озаряя безбрежную равнину и зеленые пальмовые рощи. Великолепные олени и пятнистые косули неспешно бредут на водопой с обширных и спокойных пастбищ, почти никогда не оглашаемых конским топотом и лаем охотничьих свор. В Чако у оленей и косуль почти нет врагов, кроме темно-красной пумы и желтого ягуара, близких родственников льва и тигра – мощных хищников Старого Света.

Сейчас нам придется перенестись на лесную прогалину, расположенную в двадцати милях вверх по Пилькомайо, считая от становища тобасов, и, следовательно, милях в тридцати от усадьбы, еще недавно принадлежавшей Людвигу Гальбергеру. Не все домочадцы покойного остались в эстансии. Трое из них греются у костра, пылающего на прогалине. Один из них – сын убитого, другой – племянник. Нужно ли говорить, что третий – Гаспар-гаучо? С какой целью они покинули родной дом? Обстоятельства сами говорят за себя. Читатель уже понял, что друзья наши выслеживают преступников, убивших Гальбергера и похитивших Франческу.

Кто совершил злодеяние? Гаспар и юноши не могут ответить на этот вопрос и теряются в смутных догадках. Одно ясно – в черном деле участвовали индейцы. Следы, которые ведут вдоль берега Пилькомайо вниз по течению до притока, а затем сворачивают к месту преступления, оставлены индейскими лошадьми.

Но Гаспар не догадывается, к какому племени принадлежат эти индейцы. Впрочем, то была не единственная загадка, смущавшая следопытов. Среди множества отпечатков копыт они обнаружили следы подкованной лошади. Можно было предположить, что один из индейцев ехал на лошади, угнанной во время набега у белых колонистов. Но следы подков отпечатались на земле четырежды: самый старый след вел вверх по реке, самый, свежий – вниз по течению. К тому же он не обрывался на месте преступления, а шел дальше, по направлению к покинутому становищу.

Тот же след был найден на берегу притока, где совершилось убийство: он приводил к зарослям сумаха и продолжался по тропинке тапиров до роковой прогалины. Из всего этого явствовало, что всадник на подкованной лошади не только знал об убийстве, но даже принимал в нем участие.

Все эти подробности были открыты не юношами, а Гаспаром-гаучо. Но сделать из них выводы он не умел, так же как и его спутники.

После отъезда из эстансии трое путников только сейчас расположились привалом. А усадьбу они покинули незадолго до полудня, вскоре после похорон, состоявшихся рано утром: жаркий климат Парагвая не позволяет откладывать погребение.

Сеньора Гальбергер не задерживала мужчин дома. Она страдала не только как жена, но и как мать и сама отправила гаучо с юношами на поиски Франчески.

Нечего и говорить о том, с каким жаром принялись мужчины за поиски. Все трое готовы были пожертвовать жизнью, лишь бы вернуть Франческу.

До сих пор они придерживались следов похитителей, тщательно разбираясь во всех петлях и поворотах, «но плана действий еще не составили. Днем им было не до рассуждений. Но с наступлением темноты, когда поневоле пришлось прервать поиски, они улучили время для разговора. Между прочим, только сейчас они вспомнили, что следует позаботиться и о собственной безопасности. Негодяи, от рук которых пал Гальберберг, не остановятся и перед убийством его друзей...

И вот, устраиваясь на ночлег, путники действовали чрезвычайно осторожно. Костер они развели небольшой – лишь бы вскипятить мате, – да и тот разложили в ложбинке, чтобы не был виден издали огонь. К тому же как раз с той стороны, куда уводили следы убийц и откуда, следовательно, можно было ждать нападения, раскинулась пальмовая роща.

Прежде чем располагаться привалом, Гаспар тщательно осмотрел местность и, только убедившись в полной безопасности привала, принялся расседлывать коней, приказав предварительно юношам раскладывать костер.

Глава XVIII

Кто был всадник на подкованном коне

Сидя у костра и поджидая гаучо, юноши разговорились о горестных событиях. До этого момента они не успели даже вдуматься в двойное несчастье. Людвиг не догадывался, кто были преступники; но у Чиприано были некоторые подозрения. Теперь он поделился ими с двоюродным братом.

– К убийству причастны тобасы, – заявил он.

– Что ты, Чиприано! – воскликнул Людвиг. – Зачем им было убивать отца? Что побудило их к злодеянию?

– Кой-какие основания были, во всяком случае, среди тобасов есть один человек, извлекаящий выгоду из убийства.

– Один? На кого ты намекаешь?

– Я говорю об Агваре.

– Об Агваре? При чем он здесь? Зачем ему понадобилась жизнь моего отца?

– Зачем? Да для того, чтоб завладеть твоей сестрой.

Людвиг вздрогнул и в полном недоумении уставился на Чиприано.

– Что ты хочешь сказать, Чиприано?

– Я, кажется, ясно выразился. Ты был слеп, но я давно замечаю, что Агвара влюблен во Франческу.

Людвиг обомлел. Малонаблюдательный, он не обращал внимания на странное поведение Агвары, бросавшееся в глаза ревнивому Чиприано. И сейчас Людвиг не сразу поверил кузену.

– Уверен ли ты, Чиприано? – неуверенно спросил Людвиг. – Не померещилось ли тебе это все?

– Уверен, как в том, что меня зовут Чиприано. Я давно слежу за Агварой и однажды хотел поколотить этого наглого мальчишку, но дядя меня удержал. Он боялся, как бы это не повлекло ссоры с Нарагваной.

– А отец обо всем догадывался? Я хочу сказать: знал ли он об Агваре и Франческе?..

– Нет. Думаю, он ничего не подозревал, а мне не хотелось раскрывать ему глаза.

Как ни дики показались Людвигу слова двоюродного брата, он не мог не насторожиться. Но что бы юноша ни думал об Агваре, он никак не мог представить себе старика Нарагвану в роли предателя. Ведь он так долго был другом и покровителем отца.

– Не может быть! – снова воскликнул он. – Не может быть!

– Нет, так и есть... Я в этом убежден. Пожалуй, старый вождь ни в чем не виновен, но сын его способен на любую гнусность. Помяни мое слово, Людвиг! Это дело тобасов, и нам еще придется померяться с ними силами.

– Но куда они девались? Почему они внезапно исчезли, не предупредив отца! Право, все это очень странно...

– Вдумайся в то, что случилось, и ты многое поймешь. По-моему, все было решено заранее. Агвара уговорил отца позволить ему похитить Франческу, а старик, боясь встретиться с дядей, снялся вместе со всем племенем. Не сомневаюсь, что теперь они укрылись в глубине Чако, и нам нелегко будет их найти. Но Франческа с ними, и мы должны разыскать тобасов и отбить ее... Да, должны, хотя бы ради этого всем нам пришлось сложить головы. Не правда ли, кузен?

– Это наш долг, и мы его выполним, – решительно ответил Людвиг.

Тут к костру подошел Гаспар.

– Ну, сеньорито, пора ужинать, – прервал он беседу юношей.

С этими словами гаучо принялся застряпню. Работа была несложная, так как почти весь ужин был приготовлен заранее и находился у путников в седельных сумках. Гаспар вытащил холодную баранью лопатку и хлеб. Овцы в Чако есть, – их разводят и сами индейцы, – а покойный охотник-натуралист не пренебрегал ни скотоводством, ни земледелием.

Оставалось только приготовить «парагвайский чай». Гаучо захватил с собой всю посуду, то есть железный котелок и три чашки из кокосовой скорлупы, называемые матэ (ибо это название не напитка, а посуды), и особые трубочки – «бомбиллы», сквозь которые парагвайцы тянут свой чай. Был у него и запас «хербы». Не хватало лишь молока. Но парагвайцы и без него охотно пьют свой любимый возбуждающий, но не опьяняющий напиток.

Подобно всем гаучо, Гаспар отлично варил парагвайский чай, и вскоре три мате наполнились кипящей жидкостью. Путники вставили в чашки свои «бомбиллы» и принялись тянуть чай, закусывая его бараниной с маисовым хлебом.

Для большей безопасности они погасили костер и теперь сидели у остывающей золы. За ужином Чиприано поделился с Гаспаром своими подозрениями. Для гаучо они не были неожиданностью: он и сам предполагал нечто подобное и давно уже наблюдал за сыном вождя, заглядывавшимся на дочь его дуэно – хозяина. Но он не допускал мысли о предательстве со стороны Нарагваны. Старый качик, по его мнению, не способен на подлость. Подобно Людвигу, он терялся в догадках. В самом деле, зачем Нарагвана покинул насиженное гнездо? Объяснения Чиприано казались ему неудовлетворительными, но придумать что-нибудь другое гаучо не удавалось. Так все трое за вечер не пришли ни к каким выводам.

Подложив под голову седла и закутавшись в свои пончо, путники легли спать. Первым заснул Людвиг, потом Чиприано; как ни мучился он беспокойством и нетерпением, усталость взяла свое.

Один гаучо не смыкал глаз. Всю ночь ворочался он с боку на бок.

– На всем белом свете, – рассуждал он, – есть только один человек, желавший смерти моему хозяину. Да, такой человек существует, и зовут его Эль-Супремо...

С тех пор как мы бежали из-под его носа, он не перестает нас разыскивать. Но ведь прошло уже четыре года – срок достаточный, чтоб обо всем забыть. Но сеньор Хозе Франсиа злопамятен. Он никогда ничего не забывает... И уже меньше всего способен он простить обиду, нанесенную ему Гальбергером. Кто стал однажды этому человеку поперек дороги, тот ему враг до самой могилы. Право, я не удивлюсь, если окажется, что убийство подстроено диктатором. Странные следы подков... Подумать только: они отпечатались два раза в одном направлении и дважды в обратном. А свежий след оставлен не раньше вчерашнего дня... Пожалуй, вчера утром... Он ведет вниз по реке за старое становище. Как досадно, что я не свернул к становищу, чтобы рассмотреть его! Впрочем, успею и на обратном пути... Что же нас ждет впереди? С чем мы вернемся к сеньоре?...»

Долго бодрствовал гаучо, как древний астролог, вглядываясь в звезды, словно ища у них ответа на свои сомнения. Внезапно он вздрогнул и привстал.

– Найдено! – прошептал он. – Этим все объясняется: и убийство, и похищение, и все беды...

Как ни тих был шепот гаучо, но Чиприано расслышал его и тотчас же проснулся.

– Что случилось, Гаспар? – спросил он.

– Ничего, ничего, сеньорито. Москит укусил меня в нос, но я уже прихлопнул кровопийцу. Больше он меня не тронет.

Хотя гаучо и полагал, что ключ к тайне найден, он хотел до конца все обдумать, прежде чем посвящать юношей в свои соображения.

Чиприано снова заснул, а Гаспар продолжал развивать свою мысль:

– Франсиа напал на наш след. Удивляюсь, как этого не случилось раньше. Я всегда предостерегал сеньора, что благополучие наше держится на волоске... Нарагвана, к несчастью, всегда успокаивал его. Тобасы с парагвайцами были на ножах, и немудрено, что мой бедный хозяин всецело полагался на них. Но теперь положение круто изменилось. Вот почему тобасы, не предупреждая, покинули становище. Следы подков указывают на то, что им сопутствовал какой-то белый. Ни минуты не сомневаюсь, что то был посол Эль-Супremo. А кто мог быть этим посланцем? Кому диктатор поручил гнусное дело, если не...

Гаучо на правильном пути... Он уже знает имя убийцы натуралиста...

«Всадник на подкованном коне – отъявленный негодяй и наш старый знакомец – Руфино Вальдец. Негодяй! Это он убил хозяина. Головой ручаюсь, что он!»

– Какая досада, – вздыхает гаучо. – Отчего я вовремя не сообразил, кто наш враг... Вчера утром он возвращался один в Парагвай. Ах, какой я упустил случай! Как легко было свести счеты с сеньором Руфино... Но мир тесен: мы еще встретимся и померимся силами. одному из нас суждено пасть в этой борьбе, и, надеюсь, счастье будет на моей стороне.

С этими словами Гаспар завернулся в пончо и закрыл глаза. Вскоре и он заснул.

Глава XIX

«Потерянный шар»

Путники, поставившие себе такую цель, как Гаспар и его юные приятели, не могут быть лежебоками. С первыми лучами утреннего солнца они уже были на ногах.

Вновь запылал костер, над огнем забурлила вода в котелке, и появились на сцену мате, бомбиллы, холодная баранина и маисовый хлеб.

Пока друзья наши завтракали, стало уже настолько светло, что можно было отправляться в путь. Оседлав коней, все трое двинулись вперед.

Следы по-прежнему вели вдоль берега Пилькомайо вверх по течению реки. Среди следов копыт время от времени попадались отпечатки подкованного пони, принадлежащего Франческе. Как и накануне, все время мелькали следы второй подкованной лошади, причем шли они и вверх по течению и вниз. Но в одном месте, милях в двадцати от брода, следы эти внезапно оборвались. Они кончались в роще альгаробии²⁹, где индейцы, очевидно, располагались привалом: на это указывала груда объедков и выжженные на земле круги, оставленные двумя кострами.

Здесь путники спешили; они решили задержаться, чтобы дать отдых усталым лошадям, с раннего утра бежавшим крупною рысью, а также чтобы обыскать место привала; ведь иногда случайная находка может пролить свет на таинственное преступление и дать нить для обнаружения преступников.

Но путники ничего не находили, кроме золы, погасших головешек и срезанных гибких ветвей лиан. Индейцы, очевидно, ими что-то перевязывали, но что именно – Гаспар-гаучо не установил. Попадались еще обглоданные кости да скорлупа страусовых яиц. Вопрос о том, кто делал привал в роще, разрешить не удалось. Гаучо сразу узнал, что здесь заночевали индейцы: кое-где трава была примята, а местами выщипана лошадьми. Но он не догадывался, к какому племени принадлежали эти индейцы.

Чиприано и Людвиг уже сели на лошадей, но Гаспар все еще бродил по прогалине, вода своего коня под уздцы.

Он обшаривал каждый куст, раскапывал золу, раздвигал высокую траву.

Надежда не обманула его. Он нашел в траве небольшой каменный шар, туго обтянутый бычачьей кожей. Размерами он напоминал шар для крокета. Но гаучо вспомнил не об этой игрушке – ее он никогда не видал, – а о шаре от «болы», без которой южноамериканский гаучо чувствует себя безоружным.

Однако веревки при этом шаре не было; не было и указания на то, что веревка оторвалась.

– Что это такое, Гаспар? – разом вскричали оба подростка, подъезжая к нему на своих конях.

– «Бола пердида».

– Ты хочешь сказать, что индейцы забыли, потеряли этот шар?

– Нет, сеньорито, я хочу сказать не это. Конечно, краснокожие потеряли его. Но я называю его *perdida* – «потерянным» – совсем по другой причине.

– Так почему же, Гаспар? – нетерпеливо спросил Людвиг, унаследовавший от отца пылкость ученого.

– Эту кличку ей дали мы, гаучо, а от нас ее переняли индейцы, – уклонился от прямого ответа Гаспар.

²⁹ Альгаробия – засухоустойчивое растение, напоминающее по виду акацию. Растет она на песках; плод – стручок.

– А для чего этот снаряд? Я никогда о нем не слыхал.

– Никому из вас не пожелаю испытать на себе его действие. Смею вас уверить, сеньорито, это не игрушка, а самое страшное оружие: индеец на тридцать шагов попадает им в цель не крупнее кулака; шар этот проломит лошадиный череп не хуже хорошей дубины из квебрахи.

– Но почему все-таки этот шар называют потерянным? – настаивал Людвиг.

Гаучо наконец соизволил объяснить:

– Обыкновенная бола, брошенная как следует, обматывается вокруг предмета, а такой шар, ударив, отскакивает. Поэтому он часто теряется. Вот его и называют «потерянным».

– Что же из этого следует? – спросил, в свою очередь, Чиприано, заинтересовавшийся шаром совсем с иной точки зрения.

– Очень много, – ответил Гаспар и загадочно улыбнулся.

– В самом деле? – оживились мальчики.

– Да, сеньорито. Из этого следует, что здесь стояли привалом не кто иные, как тобасы...

– Тобасы? – изумился Чиприано. – Почему ты так думаешь?

– А потому, что из всех индейских племен, живущих в Чако, «потерянным шаром», насколько я знаю, пользуются только тобасы. Только тобас мог метнуть этот шар, потерять его в траве. Ты прав, сеньорито, – продолжал он, обращаясь к Чиприано. – Кто б ни убил бедного Гальбергера, но кузину твою увез Агвара.

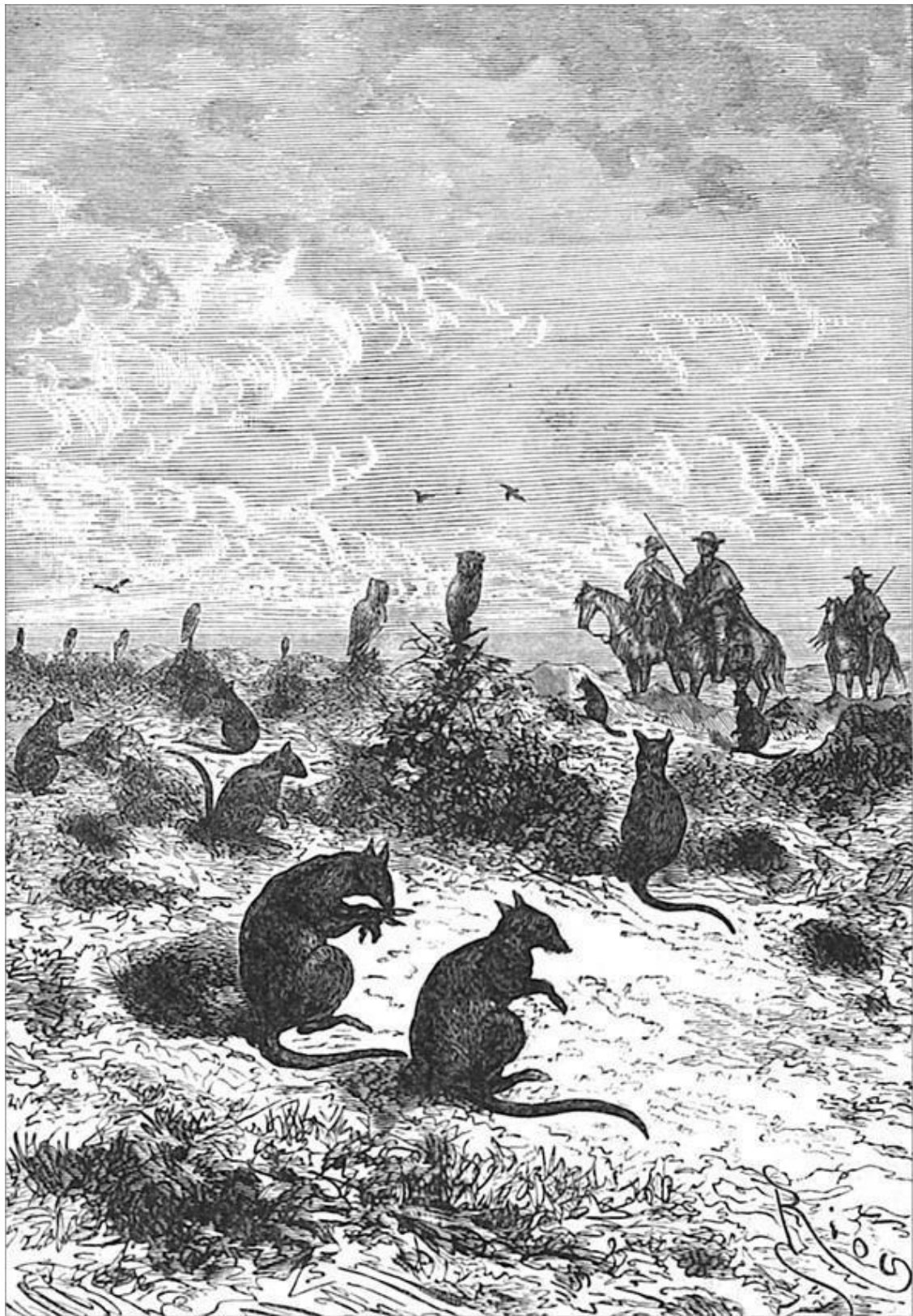
– Вперед, – взмолился Чиприано. – Людвиг, милый, нельзя терять ни минуты. Подумай, в чьих руках Франческа!

И всадники поскакали по следам, изо всей силы погоняя лошадей.

Глава XX Тушканчики

Следопыты ринулись с большой горячностью, но очень скоро им пришлось замедлить скачку, а потом и вовсе остановиться. На пути встретилась неожиданная помеха, не столь удивившая, сколь раздосадовавшая их. То были распространенные в пампасах норы зверьков, называемых «бишача», или тушканчиков³⁰.

³⁰ Бишача, или тушканчик – небольшой зверек, принадлежащий к отряду грызунов и напоминающий сурка, с той разницей, что он не погружается в зимнюю спячку. Подобно луговой собачке, тушканчик роет в песчаной почве подземные норы с коридорами, идущими спиралью, причем кольца расширяются по мере углубления. Норами тушканчиков пользуются змеи и совы. Они кишат также ядовитыми пауками. Днем их можно издали заметить, потому что около входа обглодана растительность, но ночью всадники, едущие по саванне, рискуют провалиться в нору тушканчика.

На пути встретилась неожиданная помеха

В местности, прилегающей к Паране, или Лаплате, вряд ли можно проехать пятнадцать – двадцать миль, чтобы не наткнуться на норы этих любопытных грызунов. Бишача в тех краях соответствует нашему кролику. Однако он гораздо крупнее кролика и относится к совсем другому роду и виду. Латинское его название – *Lagostomus trichodactylus*. Формой

тела и головы это животное больше всего похоже на огромную крысу, и сходство это увеличивается длинным, волочащимся по земле хвостом. Но самое интересное в нем то, что, в отличие как от кролика, так и от крысы, задние лапы у нее трехпалые: потому-то оно и называется *trichodactylus*.

Норы у бишача устроены примерно так же, как и у североамериканских сурков (*Arctomys Ludoviciana*), более известных под названием «собачки прерий». Вся разница состоит в том, что бишача несколько крупнее американского сурка, а потому вырывает более глубокую нору. Но любопытно, что эти пампасские грызуны так же, как и «собачки прерий», делят свое жилище с птицей, с разновидностью совы, известной под названием *Athene cunicularia*. Разновидность эта состоит в довольно близком родстве с теми совами, которые обитают в норах у «собачек прерий». Является ли это сожителство добровольным, или совы вторгаются в норы силой, – установить трудно, хотя скорее верно последнее. В желудке северных сов зоологи не раз находили кости детенышей американских сурков. Отсюда можно заключить, что отношения сожителей не вполне дружеские.

В тех же норах нередко встречается третий сожитель – змея. Как с бишача, так и с «собачками прерий» селятся преимущественно змеи из породы гремучих. Несомненно, что и эти змеи иной раз достаются совам на обед.

Но любопытней всего то, что бишача стаскивают всякую заваль к своим норам, складывая ее у самого входа. Здесь иногда накапливается целая куча всякой всячины. Бишача подбирают палки, корни чертополоха, камни, комки засохшей глины, сухой навоз, кости – все, что только можно притащить домой. Дарвин³¹ рассказывает: эти зверьки как-то подобрали на дороге часы, оброненные одним путешественником. Путешественник этот, заметив потерю, вернулся и обошел все норы бишача, надеясь найти часы в одной из куч. Расчет не обманул его.

Живут эти трехпалые грызуны в местах с жирной глинистой почвой и богатой растительностью. Родственные им «агути» водятся в сухих и бесплодных равнинах Патагонии, а бишача встречаются, главным образом, севернее, в плодородных пампасах. Чаще всего они селятся по опушкам знаменитых зарослей высокого чертополоха, – зарослей, которые можно назвать и лесами. Есть предположение, что они питаются корнями этих растений. Нередко роют они свои норы и близ «кардоналий», то есть порослей «кардона», или «испанского артишока», значительно отличающегося от южноамериканского чертополоха, но тоже относящегося к «просвирникам».

Любопытно отметить еще один факт. В Банда-Ориенталь, как называется местность, лежащая к востоку от реки Урагвая, бишача совершенно не водится, хотя ни климатом, ни почвой, ни растительностью область эта не отличается от мест, лежащих по правую сторону реки.

Таким образом, река Урагвай явилась как будто неодолимой преградой на пути движения бишача к востоку, а между тем их не остановила более широкая Парана: они живут по обоим ее берегам и даже в провинции Эртер-Риос (Междуречье), лежащей между Параной и Урагваем.

Приближаясь к «бискачере», наши следопыты обо всем этом не думали, а лишь досадовали на задержку. Пересекая бискачеру приходится ехать черепашьям шагом и с величайшей осторожностью. Норы здесь представляют собой нечто вроде подземных ходов, и при первом же неудачном шаге лошадь проваливается и вывихивает, а то и ломает ногу.

– Каспита! – сердито воскликнул гаучо, резко натягивая поводья.

³¹ Чарльз Дарвин (1809–1882) – знаменитый натуралист и физиолог, произведший переворот в естествознании своим трудом «Происхождение видов». В тридцатых годах Чарльз Дарвин участвовал в экспедиции в Южную Америку.

Осмотрев местность и убедившись, что вперед бискачера тянется по крайней мере на полторы мили, а вправо и влево – покуда хватает глаз, он произнес еще несколько крепких слов.

– По этому полю, – добавил он, – не только галопом, но и приличным шагом не поедешь. Придется плестись. А если двинуться в объезд, то неизвестно, какой крюк получится. Пожалуй, миль десять, а то и двадцать. Похоже, что это самая большая бискачера, какую мне случалось видеть. Карраи!

Последнее проклятие было тем яростней, что, оглядевшись еще раз, гаучо так и не увидел конца бискачеры.

– Плохо, – продолжал он, – нам чертовски не везет. Вся местность изрыта норами. Ничего не поделаешь. Хоть все глаза прогляди, лучше не будет. Я думаю, самое правильное – пуститься напрямик.

– Я тоже так полагаю, – согласился нетерпеливый Чиприано.

– Едем, мальчики. Но будьте осторожны, глядите в оба... Каррамба! Как это я не догадался. Пустите меня вперед, а сами двигайтесь по моим следам.

С этими словами Гаспар тронул коня и начал осторожно пробираться между кучами мусора и зияющими отверстиями нор. Тушканчики совершенно не пугались всадников. Зверьки эти далеко не трусливы и очень любопытны. Стоя на задних лапках и вытянув мордочки, они, словно солдаты на часах, с выражением серьезнейшего внимания наблюдали за пришельцами. Тушканчики подпускали к себе на десять – пятнадцать ярдов и только тогда спасались своей крысиной походкой.

Такая беспечность, разумеется, стоит грызунам не дешево. В пампасах за ними специально охотятся. Мясо бишача очень вкусное, а на шкурки их большой спрос, в последние годы они вывозятся в Англию и другие европейские страны.

Не обращая никакого внимания ни на тушканчиков, ни на их сожительниц – сов, которые тоже сидели на «мусорных свалках», а завидев всадников, разлетались с криком в стороны, – следопыты, потратив целый час на медленную и осторожную езду, выбрались наконец на твердую землю.

Пришпорив коней, они пустились галопом, наверстывая потерянное время.

Глава XXI

Вывихнутое плечо

Когда при виде земляных нор Гаспар разразился бранью, он даже не подозревал, что в этот же самый час такая же точно бискачера оказывает ему огромную услугу.

Другие владения тушканчиков лежали в ста милях к востоку по дороге в Асунсион.

В тот день, когда гаучо со своими юными спутниками был задержан бискачерой, одинокий всадник скакал к реке Парагваю. До реки ему еще оставалось десять – двенадцать миль. По тому, как вспотел и тяжело дышал скакун, видно было, что всадник давно в пути. А он и не думал отдохнуть и все время подгонял коня шпорами и древком копья. Казалось, обезумевший ездок спасается от грозных преследователей.

Надо ли пояснять, что одинокий путник был Руфино Вальдец? Читатель помнит, куда и зачем он гнал коня: он торопился сообщить парагвайскому диктатору радостные новости и вернуться в усадьбу Гальбергера с отрядом наемных солдат, так называемых «квартелеро».

Торопясь отомстить и получить награду, Вальдец скакал во весь дух, и добрый конь измучился. Всадник не обращал на это внимания. Лишь бы ему добраться до Парагвая, а там пусть конь падет на берегу реки! Вальдец о нем не пожалеет...

– Еще двадцать миль до реки, – шептал Вальдец, – не больше. Спрашивается только, в каком месте течения я выеду. Близко ли к Асунсиону?.. Что-то не нравится мне эта дорога. Кажется, она протоптана не людьми, а скотом. Так можно и в сторону уклониться. Но скорее всего я переправлюсь вблизи какой-нибудь «гвардия», а оттуда легко добраться до города.

Успокоив себя этим рассуждением, Вальдец покинул сомнительную дорогу и, соображаясь с вечерним солнцем, направился прямо на восток. Тень его невероятно вытянулась, и казалось, что он преследует гигантского черного всадника.

Солнце село... Теперь уже не Вальдец гнался за своей тенью, а тень гналась за ним, ибо прямо с востока над горизонтом взошла луна. Стояло «время жатвы», и кампо в полнолуние было залито лунным сиянием, какого мы, северяне, не знаем.

Если б не луна, Руфино Вальдец был бы вынужден остановиться и провести в Чако лишнюю ночь. Но дорога была так отчетливо видна, и конец путешествия так близок, что всадник еще яростней пришпорил коня.

Вдруг конь припал на задние ноги и задрожал. Всадник нагнулся и сразу понял, что скачет по бискачере.

Углубившись в свои мысли и планы, он до сих пор не замечал этого. Но теперь сомнения не было. Со всех сторон возвышались мусорные кучи, и зияли отверстия нор; кругом слышался крик испуганных сов.

Вальдец натянул поводья, но конь рванулся и рухнул мордой на землю. В ту же секунду всадник услышал треск. Конь сломал себе ногу выше бабки. Сам Вальдец, падая с коня, вывихнул левое плечо и лишился чувств.

Долго лежал он под луной, не слыша совиного крика и не видя тушканчиков, с любопытством обступивших его.

Когда сознание к нему вернулось, он не мог еще шелохнуться и пролежал так полтора дня. Наконец, кое-как опершись на копьё, он вскарабкался на охромевшего коня и печально, медленно потащился, как раненый с поля битвы.

На третий день добрался он до Асунсиона, где ему вправили вывих. Но для Гаспара Мендеса этот вывих был счастьем!

Глава XXII

Дерево-барометр

Отъехав от бискачеры, Гаспар вновь остановил коня, вглядываясь в землю. Заметив это, Людвиг и Чиприано тоже остановились, Гаучо с необычайным вниманием изучал следы.

– Нашел что-нибудь? – спросил Чиприано.

– Не нашел, сеньорито, а потерял...

– Что такое?

Пропали следы больших подков. Следы пони остались, а вторых подков след исчез.

Теперь уже все трое внимательно разглядывали почву, медленно разъезжая взад и вперед вдоль следов индейского отряда.

Гаучо не ошибся: следы крупных подков, действительно, оборвались.

– Теперь все ясно, – прошептал Гаспар, прекратив поиски.

– Что «ясно»? – спросил Чиприано.

– А помните, четвертый, самый свежий, след подков – тот, который через реку и пошел дальше на становище? Теперь ясно, что, кто б ни ехал на этом подкованном коне, белый или индеец, во всяком случае, он сопровождал отряд только до привала и, проведя там ночь, пустился обратно. Впрочем, все это не так уж просто. За спиной Агвары и его индейцев действует кто-то другой. Догадываюсь – кто...

Последние фразы гаучо произнес под сурдинку. Он еще не хотел делиться своими подозрениями насчет Франсиа и Вальдеца.

– Над этим пропавшим следом задумываться не стоит, – громко говорил он, пуская коня легкой рысью – Сейчас нам важна Франческа!

Около часа путники ехали, не меняя аллюра. Следы вели их вверх по Пилькомайо, то спускаясь к самой воде, то огибая холмы с крутыми прибрежными склонами. У одного из таких холмов Гаспар вновь осадил коня. Его занимал не холм и не конский след, а большое дерево со светло-зелеными листьями, стоявшее в стороне на равнине. Это была одна из разновидностей мимозы, из семейства бобовых³², очень распространенной по всем горам и равнинам Южной Америки, особенно в Чако. Гаучо свернул с пути.

Подъехав к дереву вплотную, он сорвал с него пучок цветов, спешившись, принялся рассматривать цветы так подробно и внимательно, что в эту минуту его можно было принять за ботаника, определяющего род и вид нового растения.

Чиприано и Людвиг тоже спрыгнули с коней.

– Что там еще, Гаспар? К чему тебе эти цветы? – крикнул нетерпеливый Чиприано. – Время дорого!

– Правильно, сеньорито, – внушительно ответил гаучо. – Потому-то я и занялся цветами. Похоже, что нам придется свернуть со следа. Если дерево не лжет, то скоро нам будет не до индейцев: придется спасать свою шкуру.

– Что ты говоришь? – изумились мальчики.

³² Современные классификации растений выделяют все разновидности мимозы в особое семейство (Mimosaceae), смежное с семейством бобовых (Leguminosae),

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.